

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 16 / 2017

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

Почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н.;

Мигушенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Расказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

У истоков социального и муниципального права

- Яцук Т.Ф.** Исторические традиции самоуправления в России (на примере деятельности земельных обществ в 1920-е гг.)..... 3
- Савичев А.А.** Правовое регулирование городских выборов в Российской империи в 1870–1892 гг..... 8
- Куценко А.А.** Юридическая природа корпораций: сравнительный аспект..... 12
- Сорокун П.В.** Социальное развитие Ачинского уезда Енисейской губернии, конец XIX — начало XX в..... 16
- Сулейманов А.В.** Конституционные реформы в Османской империи (1808–1921)..... 20
- Ливенцев Д.В.** Советские исправительные трудовые дома как социальная клиника в 20–30-е гг. XX в..... 26
- Агамагомедова С.А.** Таможенный контроль как функция таможенных органов в советской России: историко-правовой аспект..... 28
- Почкаев Р.Ю.** Регулирование производства и распространения алкогольной продукции в ханствах Средней Азии под российским протекторатом..... 33
- Буринов А.М., Буринова Л.Д.** Имущественные отношения, регулируемые феодальным правом калмыков в XVII–XVIII вв. 38

Методы правопознания и юридическая наука

- Козюк М.Н.** Практико-ориентированность истории государства и права..... 43
- Ткаченко С.В.** Содержание преемственности права: вопросы теории и истории..... 48
- Беляева О.М.** М. Вебер о типах легитимности государственной власти, бюрократии и патримониальном государстве..... 52
- Якушев А.Н.** Диссертации по истории государства и права; истории отраслей права и юриспруденции: Всесоюзный юридический заочный институт (МЮИ) (1937–1991 г.)..... 59

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Номер подписан в печать 12.07.2017.

Номер вышел в свет 24.08.2017.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643;

Каталог российской прессы — 10866;

Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 16 / 2017

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. Pl № ФС77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

At the Origins of Social and Municipal Law

- Yaschuk T.E.* Historical Traditions of Self-Government
in Russia (on Example of Land Society Activity in 1920s)..... 3
- Savichev A.A.* Legal Regulation of City Elections
in the Russian Empire in 1870-1892 8
- Kuschenko A.A.* Legal Nature of Corporations:
Comparative Aspect 12
- Sorokun P.V.* Social Development of the Achinsk Uyezd
of the Eniseysk Governorate in End of XIX —
Beginning of XX Century 16
- Suleymanov A.V.* Constitutional Reforms
in the Ottoman Empire (1808–1921) 20
- Liventsev D.V.* Soviet Correctional Labor Homes
as Social Clinic in 20–30s of XX Century 26
- Agamagomedova S.A.* Customs Control as Function
of Customs Authorities in Soviet Russia:
Historical and Legal Aspect 28
- Pochekaev R.Yu.* Regulation of Production
and Circulation of Alcohol Products in Khanates
of Central Asia under Russian Protectorate 33
- Burinov A.M., Burinova L.D.* Property Relations
Regulated by Kalmyk Feudal Law
in XVII — XVIII Centuries 38

Law Study Methods and Legal Science

- Kozyuk M.N.* Practice-Oriented Character
of History of State and Law 43
- Tkachenko S.V.* Law Succession Content:
Issues of Theory and History 48
- Belyaeva O.M.* M. Veber on State Authority
Legitimacy Types, Bureaucracy and Patrimonial State 52
- Yakushev A.N.* Theses on History of State and Law;
History of Law Branches and Jurisprudence:
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
(1937–1991) 59

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 12.07.2017.
Issue was published 24.08.2017.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Исторические традиции самоуправления в России (на примере деятельности земельных обществ в 1920-е гг.)

Яшук Татьяна Федоровна,

профессор кафедры теории и истории государства и права

Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского,

доктор юридических наук, доцент

yashukomsu@mail.ru

Самоуправление имеет не только территориальную основу. В истории России были разные варианты самоуправления. Типичным примером является крестьянская община. Земельные общества рассматриваются как пример самоуправленческой организации. Они отражали преемственность общинной организации российского крестьянства. Выполняли важные экономические и социальные функции. Обеспечивали выработку и трансляцию навыков самоуправления. Взаимодействовали с государством по земельным, налоговым и иным вопросам. Оказывали социальную поддержку своим членам. Поддерживали хозяйственное развитие деревни.

Взаимоотношения земельных обществ с советскими государственными органами выстраивались по-разному. В научной литературе присутствуют различные оценки организации власти в советской деревне 1920-х гг. Отмечается конкуренция земельных обществ с сельскими Советами. Говорится о своеобразном симбиозе властных органов в советской деревне. Указывается, что они дополняли деятельность государственных органов.

В конце 1920-х гг. земельные общества были ликвидированы.

Ключевые слова: история самоуправления, земельные общества, история права, крестьянское самоуправление, община, земельное законодательство, советское право, советское государство.

Historical Traditions of Self-Government in Russia (on Example of Land Society Activity in 1920s)

Yaschuk Tatyana F.,

Professor of the Department of Theory and History of State and Law

of the Dostoevsky Omsk State University,

Doctor of Law, Assistant Professor

Self-government has not only a territorial basis. In the history of Russia there were different options for self-government. A typical example is the peasant community. Land societies are seen as an example of a self-governing organization. They reflected the continuity of the communal organization of the Russian peasantry. They carried out important economic and social functions. Provided the development and broadcasting of self-management skills. Interacted with the state on land, tax and other issues. They provided social support to their members. They supported the economic development of the village.

Relations between land societies and Soviet state bodies were built in different ways. In the scientific literature there are various estimates of the organization of power in the Soviet village of the 1920s. The competition of land societies with rural Soviets is noted. It is a question of a peculiar symbiosis of the authorities in the Soviet village. It is indicated that they complemented the activities of state bodies.

In the late 1920's the land companies were liquidated.

Key words: history of the self-government, land societies, history of law, peasant self-government, community, land legislation, the Soviet law, the Soviet state.

В современной юридической науке самоуправление отождествляется с местным самоуправлением, которое может базироваться только на территориальной основе. Модели самоуправления иного происхождения, активно обсуждаемые и даже внедряемые в публичное пространство в недавней

исторической ретроспективе, в настоящее время не рассматриваются в качестве примеров жизнеспособных социальных практик. Самоуправление можно определить как самостоятельность какой-либо социальной общности в управлении собственными делами. С позиций юридического под-

хода — признаки такой общности должны быть формализованы и нормативно установлены, сама общность — легализована, статус и сфера самостоятельности — закреплены в законодательстве. Земельные общества, действовавшие в советский период, являются примером самоуправленческой организации.

Аграрное законодательство 1917–1918 гг. базировалось не столько на идее национализации, сколько на идее социализации и муниципализации земли. Декрет о земле 1917 г. провозглашал отмену права частной собственности на землю и формирование общенародного земельного фонда. Основным законом о социализации земли 1918 г. устанавливал различные категории землепользователей и относил к ним сельскохозяйственные коммуны, сельскохозяйственные товарищества, сельские общества, отдельные семьи и лица.

На аналогичных основаниях (отрицания права частной собственности и ненационализации) определялся правовой режим городских земель, который устанавливался декретом от 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах». Объявлялось о муниципализации всей земли в пределах городской черты, то есть о переходе прав на землю городскому обществу¹.

Советское законодательство вводило понятие трудовой и потребительской нормы, то есть обеспечивало уравнительное землепользование, исключавшее производство значительного по объему прибавочного продукта. Устойчивость общинного землепользования и стремление крестьян к его сохранению косвенно подтверждается направленною и содержанием состоявшегося в революционные годы «черного передела». В перераспределение земель были вовлечены не только дворянские имения, но и участки, закрепленные за хуторами, отрубам, то есть принадлежащие выделившимся из общины крестьянам. В то же время исследования, проведенные на региональном материале, предостерегают от преувеличения уравнительной мотивации в поведении крестьян, отождествления ими справедливости с примитивно понимаемым равенством. Так, по выводам Е.И. Вознесенской, относящимся в Вятской губернии, еще до октября 1917 г. начался процесс наступле-

ния на выделившихся из общины хуторян и отрубников, их участки включались в общий передел. Тем не менее численность отрубков и хуторов сократилась незначительно: с 4844 в 1916 г. до 4029 в 1923 г.²

Определение статуса земельного общества в Земельном кодексе РСФСР 1922 г. (далее — ЗК РСФСР 1922 г.) означало только дату юридического закрепления фактически сложившихся экономических и социальных отношений в деревне. Согласно ст. 42, 43 ЗК РСФСР 1922 г. земельное общество — это совокупность дворов, имеющих общее пользование полевыми землями. Самостоятельные земельные общества могли образовывать сельскохозяйственные коммуны, артели, товарищества, если они насчитывали не менее 15 взрослых (достигших 18 лет) земледельцев: мужчин или женщин. Земельное общество имело статус юридического лица, могло вступать в любые, не запрещенные законодательством, гражданско-правовые отношения. Органом управления выступал сход, объединявший всех землепользователей, то есть он отличался как от дореволюционного схода сельского общества, где присутствовали только домохозяева, так и от сельского схода советского периода, куда допускались лица, обладавшие избирательными правами, и не обязательно землепользователи³.

Взаимоотношения земельных обществ и сельских Советов, их конкуренция за влияние на крестьянство, как и роль земельных обществ в формировании мировоззренческих установок и поведения сельского населения представляют самостоятельную научную проблему. В политической жизни 1920-х гг. она, кроме того, имела непосредственную практическую актуальность. Она закладывалась в программы социологических исследований советской деревни, отражалась в публицистике и научных изданиях⁴. Существенное приращение научного знания наблюдается в современный период. Отмечается устойчивость общинных традиций⁵, оживление и активизация общинного самоуправления при ослаблении диктата госу-

¹ Декрет ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» // СУ РСФСР. 1918. № 62. Ст. 674.

² Вознесенская Е.И. Общинная организация Вятского крестьянства в советской доколхозной деревне (1917–1930 гг.) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008. С. 17.

³ Земельный кодекс РСФСР М., 1923. С. 38.

⁴ Белобородов А. О сельских Советах // Власть Советов. 1924. № 2. С. 48–56 ; Резунов М. Сельские Советы и земельные общества. М., 1928. 76 с.

⁵ Никонов В. Российская матрица. М., 2014.

дарства, организационная и финансовая слабость сельских Советов, и, как следствие, их зависимость от земельных обществ⁶, важные социальные функции крестьянской общины⁷. Выделяется специфический тип организации власти в советской деревне. По мнению С.А. Есикова, «общинная система самоуправления практически совпадала с системой организации и функционирования местных Советов, являющихся одновременно и органами местного самоуправления, и органами государственной власти»⁸. А.А. Сафонов констатирует, «что община в ряде областей жизни деревни существенно дополняла деятельность государства»⁹.

Однако сами земельные общества, как значимые субъекты хозяйственных отношений и социальной деятельности привлекали значительно меньше внимание. Источниковедческой основой для таких исследований может служить богатый эмпирический материал, накопленный в ходе анкетных обследований крестьян. К числу наиболее информативных источников относятся сведения, собранные и обработанные в 1926–1927 гг. наркоматом Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР (НК РКИ РСФСР) при участии слушателей Коммунистической Академии, учреждения, которое занималось научным осмыслением опыта советского строительства. Большинство вопросов анкеты, которая не предполагала формализованных ответов, касалось деятельности земельного общества, его взаимоотношений с сельским Советом и сельским сходом. Анкеты подтвердили, что основной массив земель, используемый в сельскохозяйственном производстве, находился в ведении земельных обществ, а сами общества базировались на поземельной общине. Убедительные статистические данные, подтверждающие такую зависимость, приводятся в своих публикациях В.А. Саблин¹⁰.

⁶ Яхшиян О.Ю. Крестьянская община и местные органы власти в русской деревне 1920-х гг. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999. 15 с.

⁷ Сафонов А.А. Сельская община как институт самоуправления и социальной защиты в советской деревне: опыт регионального исследования // Гражданское общество в России и за рубежом. 2012. № 1. С. 40–47.

⁸ Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921–1928 гг.). Тамбов, 2004. С. 116–117.

⁹ Сафонов А.А. Организационно-правовые основы крестьянского самоуправления в советской деревне, 1917–1928 гг. Тамбов, 2006. С. 164.

¹⁰ Саблин В.А. Земельное общество и сельский Совет на Европейском Севере в 1920-е гг.: характер взаимоотношений // Крестьянство и власть на

Составители ЗК РСФСР 1922 г. исходили из идеи хозяйственной природы земельного общества. Доминирующее в 1920-е годы мнение выразил Г.Н. Амфитеатров: «В лице земельного общества мы имеем по действующему законодательству такого рода земельно-хозяйственную организацию, которая в силу широкого объема предложенных ей прав и значительной свободы распоряжения последними является самоуправляющимся производственным коллективом»¹¹. Современный исследователь А.А. Иванов определяет земельное общество как частнопроводной институт¹². Очевидно, что публичная сфера отводилась сельскому Совету. Однако такое понимание существенно упрощает понимание реального положения земельного общества в социальной организации советского периода.

Во-первых, внутри земельного общества происходило приобретение и трансляция навыков самоуправления. Общество само решало вопрос о приеме новых членов со стороны, о выходе членов с землей из состава общества. Функционировали орган непосредственной демократии (сход) и выборные органы с исполнительно-распорядительными функциями. Законодательно устанавливались их полномочия, порядок работы, отчетности перед обществом (ст. 51 ЗК РСФСР 1922 г.).

Во-вторых, даже регулирование производственных отношений требовало принятия управленческих решений, соответствующих интересам как самого общества, так и отвечающих запросам и требованиям внешней среды. Советское законодательство налагало на земельное общество ответственность за правильное и производительное целесообразное использование своими членами земельных и прочих угодий (ст. 57 ЗК РСФСР 1922 г.). Соответственно оно имело право применять к своим членам меры воздействия в одних случаях — непосредственно (ст. 60 ЗК РСФСР 1922 г.), в других — возбуждать о них вопрос перед надлежащими органами (ст. ЗК РСФСР 1922 г.).

Европейском Севере России : материалы научной конференции. Вологда, 2003. С. 112.

¹¹ Амфитеатров Г. Земельное общество и сельсовет // Революция права. 1928. № 2. С. 96.

¹² Иванов А.А. Материалы инспекции советского строительства наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР как источник по истории советской доколхозной деревни: к постановке проблемы // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 67. С. 77.

В-третьих, при отсутствии развитых социальных служб (хотя такие учреждения активно создавались советским государством), именно земельное общество осуществляло меры материальной поддержки, не допускало пауперизации и люмпенизации своих членов, то есть выступало фактором общественной стабильности.

В-четвертых, являясь хозяйствующим субъектом, земельное общество было заинтересовано в материальных результатах своей деятельности. Сохраняя в целом приверженность крестьянскому менталитету (стремлению избежать риска, консерватизму) земельное общество, хотя и осторожно, выступало сторонником аграрной модернизации. Имеется немало примеров, в том числе выявленных в ходе обследования НК РКИ РСФСР, свидетельствующих о введении прогрессивных агротехнических приемов, приобретении сельскохозяйственной техники, внедрении новых культур.

Таким образом, земельное общество выполняло важные экономические и социальные функции, поэтому вряд ли стоит оценивать его деятельность как не укладывающуюся в логику общественного прогресса. Например, С.А. Есиков пишет об архизации в послереволюционной деревне, которая в том числе была связана с возрождением общины в крестьянской среде¹³. Действительно, отвечая на социальные вызовы, стремясь к гражданскому миру вместо гражданской войны, политическое руководство страны признало и юридически легитимировало многие институты и процессы: частную собственность, товарно-денежные отношения, крестьянское самоуправление и другие. В этом смысле признание земельного общества со стороны государства было вынужденной мерой, поскольку отсутствовала альтернатива иных организационных форм, удовлетворявших крестьянство и одновременно обеспечивавших правопорядок и поступательную хозяйственную деятельность. Вынужденной мерой можно считать и новую экономическую политику в целом.

Представляется, что к концу 1920-х гг. ни нэп, ни земельные общества не исчерпали своего потенциала. Глубина кризисов и противоречия нэпа, которые активно исследуются современными учеными, нередко преувеличиваются. Можно предположить,

что земельные общества могли развиваться и трансформироваться, реагируя на запросы технического перевооружения сельскохозяйственного производства, социальной трансформации и мобильности внутри крестьянства.

Государство, напротив, последовательно отстаивало политику по нивелированию значения земельного общества в крестьянском социуме. До 1927 г. проводились мероприятия, которые не были прямо направлены против земельных обществ, но опосредованно снижали их влияние. Во-первых, это относится к состоявшемуся в середине 1920-х годов районированию, то есть переходу от волости к более крупной административно-территориальной единице — району. Значимым для крестьянства было расширение полномочий районной власти, создание районных бюджетов, предусматривающих расходы на социальные и культурные запросы деревни. Границы сельских Советов в результате укрупнения, а затем разукрупнения оказались оторваны от границ земельных обществ, которые были привязаны к исторически сложившемуся землепользованию и не могли меняться так быстро и произвольно, как проводимое государством административно-территориальное размежевание.

Во-вторых, отказ в середине 1920-х гг. от жесткого диктата на выборах, демократизация избирательного законодательства повышали доверие крестьянства к низовым Советам. Председателями сельских Советов нередко выбирались авторитетные, уважаемые люди. Кроме того, к этому времени в деревне стал складываться новый актив, рекрутируемый из молодежи, женщин, то есть тех социальных групп, которые подвергались дискриминации в традиционном самоуправлении.

После 1927 г. начинается непосредственное наступление на права земельного общества. На этом этапе государству удалось разорвать сохранявшуюся связь между земельным обществом и сельским сходом. Все полномочия по организации сельского схода, формированию его повестки закрепляются за сельским Советом. Устанавливался запрет на выбор в качестве уполномоченных земельных обществ, председателей и секретарей земельных сходов лиц, лишенных избирательных прав.

Принятые в 1928 г. ЦИК СССР «Общие начала землепользования и землеустройства» формально сохраняли преемственность с Земельным кодексом РСФСР 1922 г.

¹³ Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921–1928 гг.). Тамбов, 2004. С. 115.

и признавали земельные общества, но фактически подчиняли их сельскому совету. Окончательно судьба земельных обществ была решена с началом так называемой массовой коллективизации. Они упразднились, а их

имущество и финансовые средства передавалось колхозам, сельским Советам. Земельным обществам было отказано в возможности самостоятельного, дистанцированного от властных органов, поступательного развития.

Литература

1. Амфитеатров Г. Земельное общество и сельсовет / Г. Амфитеатров // Революция права. 1928. № 2. С. 94–113.
2. Белобородов А. О сельских Советах / А. Белобородов // Власть Советов. 1924. № 2. С. 48–56.
3. Вознесенская Е.И. Общинная организация Вятского крестьянства в советской доколхозной деревне (1917–1930 гг.) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Е.И. Вознесенская. Ижевск, 2008. 26 с.
4. Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921–1928 гг.) / С.А. Есиков Тамбов, 2004. 120 с.
5. Иванов А.А. Материалы инспекции советского строительства наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР как источник по истории советской доколхозной деревни: к постановке проблемы / А.А. Иванов // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 1(67). С. 77–82.
6. Никонов В. Российская матрица / В. Никонов. М., 2014. 992 с.
7. Резунов М. Сельские советы и земельные общества / М. Резунов. М., 1928. 76 с.
8. Саблин В.А. Земельное общество и сельский Совет на Европейском Севере в 1920-е гг.: характер взаимоотношений / В.А. Саблин // Крестьянство и власть на Европейском Севере России : материалы научной конференции (г. Вологда, 6–7 февраля 2003 г.). Вологда : Волог. филиал С.-Зап. ак. гос. службы, 2003. С. 50–53.
9. Сафонов А.А. Организационно-правовые основы крестьянского самоуправления в советской деревне, 1917–1928 гг. / А.А. Сафонов. Тамбов, 2006. 167 с.
10. Сафонов А.А. Сельская община как институт самоуправления и социальной защиты в советской деревне: опыт регионального исследования / Сафонов А.А. // Гражданское общество в России и за рубежом. 2012. № 1. С. 40–47.
11. Яхшиян О.Ю. Крестьянская община и местные органы власти в русской деревне 1920-х гг. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук / О.Ю. Яхшиян. М., 1999. 15 с.

Правовое регулирование городских выборов в Российской империи в 1870–1892 гг.

*Савичев Алексей Аркадьевич,
научный сотрудник Научно-исследовательского отдела
Научного центра правовой информации
при Министерстве юстиции Российской Федерации (НЦПИ)
icx7801@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению некоторых вопросов реализации городской реформы 1870 г. в Российской империи в части, касающейся городских выборов. Наиболее подробно проанализированы проблемы применения Городового положения 1870 г. на территории города Москвы. Автором проведен сравнительно-правовой анализ отдельных особенностей реализации норм Закона 1870 г., регулировавших проведение избирательных кампаний, в больших и менее крупных городах России. В результате отмечается, что городские поселения с наибольшей численностью населения и соответственно избирателей испытывали более существенные организационные трудности при проведении выборов. Эти проблемы выражались не только в нехватке помещения и оборудования, но и в максимально высокой вероятности повторных выборов. Такая ситуация обуславливалась разобщенностью электоральных предпочтений горожан, представлявших третий, самый многочисленный разряд избирателей. В силу их большого числа они имели меньше возможностей заранее наметить своих кандидатов, договорившись между собой. Опираясь на архивные источники, автор приводит примеры ошибок при составлении избирательных списков в городе Москве. Эти факты также относятся к трудностям организационного характера на фоне большого числа обладателей активного избирательного права и отсутствия в России на данном историческом этапе достаточного опыта проведения выборов в условиях сохранения самодержавия.

Ключевые слова: городская реформа 1870 г., городские выборы, избирательный разряд, цензы, городская дума, гласные городских дум, избирательная система, избирательный список.

Legal Regulation of City Elections in the Russian Empire in 1870–1892

*Savichev Aleksey A.,
Research Scientist of the Research Department
of the Scientific Center for Legal Information
under the Ministry of Justice of the Russian Federation*

The article is devoted to some issues of implementation of the city reform of 1870 in the Russian empire concerning city elections. The most thoroughly problems of the application of City act of 1870 in the city of Moscow are analyzed. The author makes a comparative legal analysis of individual peculiarities of the implementation of the Law of 1870, which regulated the conduct of election campaigns, in large and smaller cities of Russia. Urban settlements with the largest population and respectively constituency had more substantial organizational difficulties in the realization of elections. These problems manifested not only in the deficit of space and equipment, but also in the highest probability of secondary elections. This situation was caused by the disunity of the electoral preferences of citizens, included in the third most numerous category of voters. Because of their large number they had fewer opportunities to plan in advance their candidates agreeing between them. The author gives examples of errors in the preparation of electoral lists in the city of Moscow relying on archival sources. These facts also relate to the difficulties of an organizational nature on the background of a large number of holders of active electoral rights and the absence in Russia at this point in history enough electoral experience in terms of conservation of monarchy.

Key words: city reform of 1870, city elections, electoral category, qualifications, City Duma, deputies of city Duma, electoral system, electoral list.

Одним из наиболее значимых либеральных преобразований периода правления Александра II является городская реформа 1870 г. Ее нормативно-правовым выражением выступало Городовое положение, действовавшее вплоть до периода контрре-

форм, т.е. до 1892 г., когда был принят новый Закон, вводивший принципиально новую систему городского общественно-го управления. Наиболее значимым достижением городской реформы 1870 г. являются выборы в органы городского са-

моуправления — в думы и управы. Массовые избирательные кампании с закрытой баллотировкой для России были делом новым¹.

В результате введения в 1870 г. нового Городового положения правительство упразднило сословное начало организации и проведения городских выборов, в результате чего они стали базироваться на имущественном цензе, который выражался в участии представителей электората в платежах городских сборов².

Законом устанавливался ряд избирательных цензов. Избирать гласных дум имел право любой из городских обывателей, независимо от принадлежности к тому или иному сословию при соблюдении следующих условий: 1) необходимо было иметь русское подданство; 2) требовалось достичь 25-летнего возраста; 3) нужно было, как отмечалось ранее, владеть на праве собственности на территории города недвижимым имуществом либо содержать торговое или промышленное заведение, с которых уплачивались соответствующие городские сборы; 4) необходимый срок проживания в городе составлял 2 г.; 5) потенциальный избиратель не должен был иметь недоимок по городским сборам.

Женщины и лица мужского пола моложе 25 лет могли участвовать в выборах только через своих доверенных. На тех же условиях получили избирательные права юридические лица — всевозможные учреждения, ведомства, общества, товарищества, церкви, монастыри.

В рамках исследования сложившейся в рассматриваемый исторический период избирательной системы наибольший интерес представляет имущественный ценз. Городовое положение 1870 г. не устанавливало требований к минимальному размеру сбора, уплачиваемого с городской недвижимости. В то же время в Законе прослеживается определенная дифференциация избирателей в зависимости от суммы уплачиваемого налога. Для производства выборов в гласные формировались три избирательных собрания, каждое из которых выбирало одну треть от общего числа гласных. С этой целью го-

рожане включались в избирательные списки в той последовательности, в какой они располагались по суммам причитающихся с каждого из них сборов в городской бюджет. Затем избиратели из конкретного списка делились на три разряда (категории). В первый разряд вносились лица, которые являлись плательщиками наиболее крупных сумм сборов, представляя тем самым одну треть всех городских налогов с избирателей. Во вторую категорию попадали следующие за лицами из первого разряда избиратели, на долю которых также приходилась одна треть городских сборов. В третью же — все остальные избиратели. После составления избирательного списка он подлежал утверждению городской думой.

На основании ст. 6 Правил о применении Городового положения от 16 июня 1870 г. к столицам и городу Одессе от 20 июня 1872 г. в Московскую городскую думу избиралось 180 гласных. Таким образом, каждый из трех указанных ранее разрядов избирателей выбирал по 60 гласных. Следовательно, неравномерность числа избирателей в разных категориях очевидна, как очевиден и дисбаланс представительства их интересов в думе: равное число гласных представляло несопоставимые по своей численности группы избирателей.

На городских выборах в Москве в 1876 г. в 1-ю группу избирателей было включено чуть более 100 человек, во 2-ю — около 2000, в 3-ю — около 20000. Результатом этого, как отмечает гласный городской думы В.И. Герье, была возможность сговора избирателей 1-й курии перед выборами. То есть они имели возможность заранее наметить своих кандидатов. Избиратели же остальных групп голосовали вразброд и, как следствие, недобирали положенного числа гласных. В том же 1876 г. 3-й разряд избрал лишь 2 гласных, в результате чего потребовались вторичные выборы, причем для избрания было необходимо лишь относительное большинство³. Еще более вероятен был сговор избирателей в других, менее крупных городах, где соответствующие категории голосовавших были не так многочисленны, как в Москве. Например, на выборах в Нижегородскую думу на четырехлетие с 1879 по 1882 гг. число участвовавших в голосовании по 1-му разряду составляло 65 человек, по 2-му — 280 чело-

¹ Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX века // Правительственная политика / под ред. Р.Ш. Ганелина. Л.: Наука, 1984. С. 51.

² Виноградов В.Ю. Московское городское самоуправление: генезис, развитие, основные черты. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2005. С. 70.

³ Герье В.И. О Московской Городской Думе // Московский архив. Вып. I. Мосгорархив. М., 1996. С. 422.

век, по 3-му — 2730 человек⁴. Еще ниже эти показатели были в Яте на выборах на четырехлетие с 1880 по 1883 гг. В трех разрядах было соответственно 11, 42 и 251 человек⁵. Следовательно, в тех городах, где численность избирателей даже второй и третьей групп была невелика, вторичные выборы были наименее вероятны.

Наиболее крупные города, в которых численность избирателей была выше, в большей степени испытывали организационные трудности при проведении выборов. Порой затруднительно было организовать процесс голосования для представителей третьей, самой многочисленной категории избирателей, так как возникали проблемы с помещением, нехваткой оборудования и т.д.⁶ Парадоксальным при этом является то, что введение трехклассной избирательной системы обосновывалось как раз необходимостью не допустить те или иные организационные трудности в ходе избирательной кампании. В сложившихся условиях многие из обладателей избирательного права не использовали его, просто не являясь на выборы. Так, в Москве в 1872 году из 17 427 избирателей участие в выборах принял 581 человек; в 1880 году из 22 394 обладателей активного избирательного права проголосовало 1097; в 1884 году из 19 892 представителей электората явились на избирательные участки 1236⁷. Таким образом, в данный исторический период явка на городских выборах была низкой. Тем не менее нельзя вести речь об абсолютной незаинтересованности москвичей в участии в выборах на данном этапе, так как явка избирателей по сравнению с предыдущими годами все же растет, пускай и постепенно. Тем более что о каком бы то ни было стабильном росте числа потенциальных избирателей говорить не приходится. По данному показа-

телю в городе сначала имел место прирост, а затем — сокращение.

И.И. Дитятин, доказывая несостоятельность введенной избирательной системы, подверг сомнению убедительность аргументов, высказанных в ее пользу. Ученый подверг критике изначальное мнение авторов городской реформы о необходимости деления избирателей на три разряда в соответствии с уплачиваемыми налогами с целью устранения беспорядка на выборах, вызываемого их многочисленностью. И.И. Дитятин полагает, что этой же цели можно было добиться простым созданием территориальных избирательных округов (например, по кварталам города)⁸. Такого рода мера была принята на четырехлетие с 1889 г. в отношении 3-го избирательного собрания в Санкт-Петербурге и Москве. Собрание было разделено на 12 избирательных участков по месту жительства избирателей. Горожане стали созываться в помещение городской думы отдельно от избирателей прочих участков. Обладатели активного избирательного права должны были избирать определенное количество гласных, подлежащих выбору в каждом избирательном участке. Число гласных, избираемых от каждого из участков, определялось министром внутренних дел соответственно, по возможности, величине городских сборов и числу избирателей конкретного участка. В Москве, в отличие от Санкт-Петербурга, такое решение принималось министром внутренних дел по согласованию с местным генерал-губернатором⁹.

В условиях относительной многочисленности избирателей в крупных городах и на фоне отсутствия большого опыта проведения избирательных кампаний при сохранении самодержавия, достаточно распространенными были ошибки при формировании избирательных списков. Так, 25 сентября 1872 г. потомственная почетная гражданка А.И. Епилихина обратилась в Московскую городскую распорядительную думу

⁴ Биюшкина Н.И. Ограничительно-охранительные отношения в сфере местного самоуправления в Российском государстве в 80–90-е гг. XIX в. М. : Nota Bene Медиа Трейд, 2011. С. 33.

⁵ Деятельность Ялтинского Городского Общественного Управления III-го четырехлетия (1880–1883 гг.). Ялта : Типография Н.Р. Петрова, 1884. С. 2.

⁶ Улумбелашвили Е.Г. Деятельность московского городского общественного управления (1862–1892 гг.) // Проблемы отечественной истории. Выпуск 4. М. : Изд-во РАГС, 1997. С. 92.

⁷ Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М. : Новый хронограф : АИРО-XXI, 2010. 752 с. (Серия «Российское общество. Современные исследования»). С. 134.

⁸ Зайцев М.В. Городовое положение 1870 г. и муниципальное устройство германских городов: проблема заимствования элементов избирательной системы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 10.

⁹ Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, от 25 ноября 1888 г. «О принятии неотложных мер к устранению обнаружившихся неурядиц в избрании гласных С.-Петербургской и Московской Городских Дум» // ПСЗ. Собрание 3. Т. 8. № 5573.

с жалобой на неправильное внесение ее в списке в 3-й избирательный разряд по платежу городской повинности за дом 80 руб. 64 коп. Заявитель указывает на то, что с 1867 г. ею вносилась сумма в размере 112 руб. 77 коп. При этом все городские повинности за 1872 г. и все недоимки ею были выплачены (в подтверждение этого прилагаются копии квитанций от думы). Заявитель просит переместить ее в списке из 3-го во 2-й разряд¹⁰. Кроме того, в отдельных случаях избиратели могли включаться одновременно в два разряда либо отсутствовать в списках избирателей вовсе. Например, купец 2-й гильдии С.Т. Колычев 27 сентября 1872 г. обратился в Московскую городскую распорядительную думу с жалобой на включение его одновременно в 1-й и 2-й разряд с указанием сумм налогов соответственно 410 руб. 25 коп. и 137 руб. 61 коп. Заявитель просил думу числить его лишь в первом разряде с указанной по нему суммой. Коллежский асессор И.И. Вознесенский в своем обращении в думу указал на дом, с которого уплачивал в городской бюджет 80 руб. 73 коп. При этом заявитель пожаловался на отсутствие его в избирательных списках и ходатайствовал о включении его в состав участников выборов, приложив к заявлению квитанцию думы об уплате сбора¹¹.

Проанализировав некоторые вопросы правовой регламентации городских выборов в России в период действия Городового положения 1870 г., можно сделать следующие выводы. В качестве основного достижения городской реформы следует рассматривать введение бессловных городских выборов. В то же время избирательные кампании стали базироваться на имущественном (налоговом) цензе, который вышел на первый план в результате законодательной отмены сословного начала организации выборов. Для того, чтобы горожане получили максимально осязаемое представительство в городской думе, им требовалось не просто отвечать соответствующим имущественным цензам. Необходимо было также входить в группу наиболее крупных налогоплательщиков. Таким образом, имущественная дифференциация городского населения после городской

реформы 1870 г. проводилась по двум основаниям:

1) по имущественному цензу — это своего рода первичная имущественная дифференциация, установленная в отношении городского населения в целом: она позволяла определять, кто из горожан относится к электорату вообще;

2) по размерам платившихся налогов и сборов с имущества (деление избирателей на три курии) — это имущественная дифференциация в отношении только обладателей активного избирательного права, которая носит характер вторичного деления городских жителей на отдельные социальные группы.

Исходя из этого, вести речь о том, что имущественный ценз, закрепленный Городовым положением 1870 г., был единым для всех, не приходится. Вместе с тем большинство горожан, даже обладавших избирательным правом, проявляли электоральную пассивность, о чем свидетельствует низкая явка на выборах. Среди традиционных причин абсентеизма горожан на данном историческом этапе можно выделить рост индивидуалистических настроений на фоне капиталистического развития; неготовность населения к активному участию в управлении городским хозяйством в условиях сохранения самодержавия, традиционно предполагавшего централизованное управление; несовершенство избирательной системы, подразумевавшей явный дисбаланс представительства. Проявление последнего из указанных факторов имело свою специфику в крупных городах, в том числе в Москве, где численность избирателей была относительно велика. Крупные города, существенно превосходившие по численности населения и, следовательно, избирателей прочие городские территории, в наибольшей степени испытывали организационные трудности при проведении голосования. При сформировавшейся трехразрядной избирательной системе в таких городах на фоне несогласованности и разобщенности электоральных предпочтений представителей третьего разряда нередкими были повторные выборы. В менее крупных городах был в большей степени вероятен спор избирателей второго, а порой и третьего разрядов в силу их немногочисленности. Они имели больше возможностей для того, чтобы заранее наметить своих кандидатов.

¹⁰ ЦГА Москвы. Ф. 160, оп. 2, д. 158, л. 9.

¹¹ Там же. Л. 11, 124–124 об.

Литература

1. Биюшкина Н.И. Ограничительно-охранительные отношения в сфере местного самоуправления в Российском государстве в 80–90-е гг. XIX в. / Н.И. Биюшкина. М.: Nota Bene Медиа Трейд, 2011. 183 с.

2. Виноградов В.Ю. Московское городское самоуправление: генезис, развитие, основные черты / В.Ю. Виноградов. М. : ЭКОН-ИНФОРМ, 2005. 228 с.
 3. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, от 25 ноября 1888 г. «О принятии неотложных мер к устранению обнаружившихся неустойств в избрании гласных С.-Петербургской и Московской Городских Дум» // ПСЗ. Собрание 3. Т. 8. № 5573.
 4. Герье В.И. О Московской Городской Думе / В.И. Герье // Московский архив. Вып. I. М. : Мосгорархив, 1996. С. 421–438.
 5. Деятельность Ялтинского Городского Общественного Управления III-го четырехлетия (1880–1883 г.). Ялта : Типография Н.Р. Петрова, 1884. 42 с.
 6. Зайцев М.В. Городовое положение 1870 г. и муниципальное устройство германских городов: проблема заимствования элементов избирательной системы / М.В. Зайцев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 5–13.
 7. Улумбелашвили Е.Г. Деятельность московского городского общественного управления (1862–1892 гг.) / Е.Г. Улумбелашвили // Проблемы отечественной истории. Выпуск 4. М. : Изд-во РАГС, 1997. С. 100–108.
 8. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX века / В.А. Нардова // Правительственная политика / под ред. Р.Ш. Ганелина. А. : Наука, 1984. 260 с.
 9. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума / Писарькова Л.Ф. М. : Новый хронограф: АИРО-XXI, 2010. 752 с. (Серия «Российское общество. Современные исследования»). 752 с.
 10. ЦГА Москвы. Ф. 160, оп. 2, д. 158.
-

Юридическая природа корпораций: сравнительный аспект

*Кущенко Анна Алексеевна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Астраханского филиала
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук
a_kush4@mail.ru*

Настоящая статья посвящена изучению юридической природы корпораций начиная с древних времен (эпоха Римской империи) и до наших дней, а также сравнительному анализу корпораций в англо-саксонской, континентальной и азиатской правовых семьях. В работе обозначаются основные отличительные черты американской, английской, европейской, японской и современной российской корпорации.

Ключевые слова: корпорация, корпоративная организация, юридическое лицо, теория фикции, капитал, акционерное общество.

Legal Nature of Corporations: Comparative Aspect

*Kuschenko Anna A.,
Assistant Professor of the Department of State and Legal Disciplines
of the Astrakhan branch
of the Saratov State Law Academy,
Candidate of Legal Sciences*

This article is devoted to the study of the legal nature of corporations dating back to ancient times (the era of the Roman Empire) to the present day, as well as comparative analysis of corporations in Anglo-Saxon, Continental and Asian legal families. The paper identifies the main distinctive features of the American, English, European, Japanese and modern Russian corporations.

Key words: corporation, corporate body, entity, fiction theory, capital, joint-stock company.

Анализ правовой сущности организационных форм корпоративных отношений не-

избежно предполагает рассмотрение такого понятия, как «корпорация». Поэтому, чтобы

более глубоко изучить корпоративные отношения, их признаки и виды, необходимо для начала разобраться в том, что понимается под корпорацией вообще и какие виды корпораций существуют в мировом праве (учитывая, что само это явление для России относительно новое и было заимствовано из зарубежной практики).

Происходит термин «корпорация» от латинского слова «corporatio» (сообщество, объединение) и являет собой некий союз, группу лиц, общность профессиональных и сословных интересов.

В малом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона под корпорацией понимается некое общее название для различных форм союзов, которые обладают внутренней организацией, объединяющей участников союза в единое целое, и являются субъектами прав и обязанностей¹.

В словаре русского языка говорится, что «корпорация — это: 1) объединенная группа, круг лиц одной профессии, одного сословия; 2) одна из форм монополистического объединения»².

Как и большинство современных правовых категорий, корпорация уходит своими корнями к древнеримскому праву, а именно, к конструкции римского *universitas*³ — самостоятельного субъекта права, существовавшего и действовавшего независимо от составляющих его физических лиц. Последние оказывали влияние на волю этого субъекта лишь путем участия в деятельности его органов управления. Таким образом, под *universitas* понималась идеальная или юридическая личность, которая и становилась субъектом всех прав и обязанностей, независимо от отдельных составляющих ее физических лиц.

В постримскую эпоху все теории, определявшие правовую природу явления «корпорация», ограничивались лишь теориями фикции. Суть указанных теорий в том, что корпорация — это фиктивное правовое лицо (*persona ficta*), созданное соответствующей властью⁴.

Теория фикции довольно долгое время носила господствующий характер в науч-

ном мире и получила широкое распространение не только среди европейских, но и американских ученых и практиков. Так, в начале XIX в. в решении по делу «The Trustees of Dartmouth College vs. Woodward» Верховный суд США определил корпорацию как некое искусственное, невидимое и неосязаемое образование, которое существует только с точки зрения закона.

Современное понимание корпорации в юридической науке Соединенных Штатов также базируется на ее «фиктивном» характере: корпорацию называют юридической личностью, искусственным образованием, которое было создано в соответствии с законом штата или федеральным законом и представляет собой, как правило, соединение многих индивидуумов⁵.

Отметим, что в Соединенных Штатах под понятием «корпорация» подразумевается довольно широкий перечень юридических лиц. В зависимости от преследуемых целей выделяют корпорации:

— публичные (*public*) — создаваемые для осуществления отдельных правительственных функций (например, корпорации по комплексному использованию природных ресурсов, муниципальные корпорации в области местного самоуправления), которые включают государственные и муниципальные органы⁶;

— полупубличные (*quasi-public*) — обслуживающие общие нужды населения, например корпорации в области снабжения населения электричеством, водой, газом, железнодорожные корпорации и др. В число полупубличных корпораций включают также относящиеся к государственной собственности предприятия (например, оборонного, космического комплекса и др.), чьи акции также находятся у государства;

— предпринимательские (*private, business or profit-making*), создаваемые с целью получения прибыли. Фактически предпринимательские корпорации представляют собой коммерческие организации в форме акционерных обществ;

— непредпринимательские (*non-profit*), к которым относятся религиозные организации, корпорации в области образования, благотворительные организации и другие⁷.

¹ См.: Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. в 4 т. СПб., 1907. С. 167.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1989. С. 298.

³ См.: Акционерное общество: история и теория. Диалектика свободы / под общ. ред.: Я.И. Функ. Минск, 1999. С. 157.

⁴ См.: Там же. С. 158–159, 200–201.

⁵ См.: Макарова О.А. Корпоративное право. М., 2005. С. 3.

⁶ См.: Мозолин В.П. Корпорации, монополии и право в США. М., 1966. С. 57.

⁷ См.: Добровольский В.И. Применение корпоративного права: практическое руководство для корпо-

На практике американскую предпринимательскую корпорацию определяют следующие отличительные характеристики: во-первых, неполная ответственность участников по долгам корпорации; во-вторых, свободный оборот акций корпорации (кроме акций закрытых корпораций); в-третьих, присутствие централизованного управления в случаях, если функции по управлению выполняются не самими участниками корпорации; в-четвертых, «вечное существование» корпорации — то есть она функционирует независимо от состава ее членов⁸; и наконец, в-пятых, высокая раздробленность пакета акций корпорации.

Описываемая модель отводит второстепенную роль государству, которое по американской традиции рассматривается как нежелательный элемент корпоративного строительства. Участие государства должно быть минимизировано и ограничиваться установлением одинаковых для всех участников рынка «правил игры»⁹.

Схожая доктрина личной обособленности (*separate personality*) юридического лица (корпорации) имеет место и в современном праве Королевства Великобритания.

Английские корпорации делятся на единые (corporation sole — монарх; епископ Кентерберийский; отдельные должностные лица государства — например, министр почт, солиситор казначейства, публичный доверительный собственник и пр.) и объединения лиц (corporation aggregate)¹⁰.

В странах же, традиционно относящихся к континентальной системе права, преобладает модель, для которой характерно включение в корпорацию всех основных заинтересованных групп: акционеров, финансовых структур, организованных работников, государства. Социальное партнерство правительства, труда и капитала исторически закреплено в самих структурах управления корпорациями и в законах, регулирующих хозяйственную деятельность во многих европейских государствах¹¹.

Таким образом, в континентальном праве понятие корпорации в целом идентично понятию юридического лица.

ративного юриста. М., 2008. С. 14.

⁸ См.: Сыродоева О.Н. Акционерное право США и России: сравнительный анализ. М., 1996. С. 21.

⁹ См.: Кочетков Г.Б., Супян В.Б. Корпорация: американская модель. СПб., 2005. С. 11–13.

¹⁰ См.: Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории. М., 2003. С. 210.

¹¹ См.: Кочетков Г.Б., Супян В.Б. Указ. соч. С. 13.

Прообразом корпорации в Германии является *verein* (объединение, общество, союз, корпорация). Однако здесь стоит отметить, что в немецкой научной юридической литературе большинство авторов склоняются к мнению, что указанная форма юридического лица находится в состоянии раздробленности нормативного регулирования, а также констатируют отсутствие общепринятой типологии. Часть специалистов в области немецкого права четко разделяют понятия корпорация и объединение капиталов, остальные, напротив, признают их тождественность¹².

И все же главное назначение корпорации — это объединение капиталов, а отсюда и наименование *kapitalgesellschaft* — термин, перевод которого вряд ли потребует. Правоведы Германии выделяют ряд отличительных черт такого вида юридических лиц:

— персональное участие здесь не является обязательным и передается (в том числе по наследству);

— правовой статус получить сложнее, чем в простом объединении лиц;

— волеизъявление происходит по большинству голосов;

— все дела совершаются от имени объединения;

— и, как правило, члены объединения не несут ответственности по долгам юридического лица¹³.

В Швейцарии корпорации — это один из двух (наряду с учреждениями) основных типов юридических лиц; а во Франции все юридические лица делятся на товарищества и ассоциации, понятие «корпорация» там отсутствует вовсе.

Таким образом, в рамках континентальной системы права под корпорацией следует понимать определенным образом организованный коллектив лиц и капиталов, который отличает общие групповые интересы, нацеленные на осуществление какой-либо социально полезной деятельности и который по своему статусу является юридическим лицом.

Важной особенностью корпораций в системе романо-германской правовой семьи является присутствие среди них существенного количества государственных корпораций (фабрик, заводов, хозяйств).

¹² См.: Василевская Л.Ю. Учение о вещных сделках по германскому праву: монография. М., 2004. С. 107.

¹³ См.: Жалинский А., Рерихт А. Введение в немецкое право. М., 2001. С. 508.

Еще одна отличительная черта — тесные взаимоотношения между членами корпорации. Правовое положение участников корпорации в континентальной системе права характеризуется большой свободой и равенством и базируется на принципе соподчиненности и соучастия в управлении¹⁴.

Азиатская модель корпорации появилась вследствие распространения на восток западной (американской) модели управления, в рамках которой юридическую основу компании составляют сами акционеры. Однако под влиянием национальных особенностей (традиционный уклад жизни общества) азиатские корпорации получили ряд отличительных черт.

В основу азиатской (японской) модели корпорации положен принцип, согласно которому стратегически важные для государства направления бизнеса на начальных этапах своего развития создаются и поддерживаются государством. Государство сначала создает, а затем позволяет приватизировать успешно работающие новые компании. «Корпорация для японцев — это не формальная система хозяйственных отношений, а часть общественной жизни, построенная на тех же статусных отношениях, что и общество в целом»¹⁵.

Нельзя не согласиться с выводом С.Ю. Каплина о том, что Россия в какой-то степени повторяет исторический эксперимент Японии. У нас, как и в стране восходящего солнца, корпорация законодательно ограничена только волей акционеров. И так же, как и там, распространение американской модели неизбежно пришло в столкновение с российской действительностью: сильнейшим влиянием идеологии на менеджмент и рабо-

чих; влиянием на выборы директоров предприятий; требованием работниками права управлять организацией через совет трудовых коллективов и т.п.¹⁶ Именно желание рабочих участвовать в управлении составляет одну из отличительных особенностей российской корпорации. И это желание активно поддерживается на самом высоком уровне¹⁷.

Из всего сказанного выше следует, что корпорация появилась и исторически развивалась как синоним юридического лица. В определенный момент развития общества ведение предпринимательства в форме товарищества (или личных объединений) перестало соответствовать требованиям экономического оборота. Постоянно усложняющиеся экономические связи истребовали появления организации, которая была бы обособлена не только от состава членов, но и от их воли. Таким образом, «вместо объединения лиц возникает новое лицо, созданное объединением лиц»¹⁸, — юридическое (моральное) лицо, или корпорация.

Техническая сторона термина «корпорация» состоит в том, что она представляет собой новый самостоятельный субъект права, появившийся вследствие объединения капиталов.

Таким образом, корпорации проделали многовековую путь развития: от организаций, сравнительно несложных по своей структуре, основанных на личной связи и полной ответственности всех ее членов, до сложных компаний, построенных по принципу акционерных обществ, объединяющих крупный капитал, ответственность держателей ценных бумаг которых ограничена размером их вклада.

¹⁴ См.: Каплин С.Ю. Некоторые особенности моделей корпорации // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 4. С. 92.

¹⁵ Кочетков Г.Б., Суюян В.Б. Указ. соч. С. 18, 21.

¹⁶ См.: Каплин С.Ю. Указ. соч. С. 93–94.

¹⁷ См.: Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» от 19.09.2013 // URL: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>

¹⁸ Функ Я.И. и др. Указ. соч. С. 144.

Литература

1. Акционерное общество: история и теория. Диалектика свободы / В.А. Михальченко, Я.И. Функ, В.В. Хвалеи; под общ. ред.: Я.И. Функ; науч. ред.: В.Ф. Чигир. Минск : Амадея, 1999. 608 с.
2. Василевская Л.Ю. Учение о вещных сделках по германскому праву : монография / Л.Ю. Василевская. М. : Статут, 2004. 532 с.
3. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» от 19.09.2013 // URL: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>
4. Добровольский В.И. Применение корпоративного права: практическое руководство для корпоративного юриста / В.И. Добровольский. М. : Волтерс Клувер, 2008. 576 с.
5. Жалинский А., Рерихт А. Введение в немецкое право / А. Жалинский, А. Рерихт. М. : Спарк, 2001. 744 с.
6. Каплин С.Ю. Некоторые особенности моделей корпорации / С.Ю. Каплин // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 4. С. 89–95.

7. Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории. Учебное пособие / Н.В. Козлова; науч. ред.: В.С. Ем. М.: Статут, 2003. 318 с.
8. Кочетков Г.Б. Корпорация: американская модель / Г.Б. Кочетков, В.Б. Супян. СПб.: Питер, 2005. 320 с.
9. Макарова О.А. Корпоративное право: учебник / О.А. Макарова. М.: Волтерс Клувер, 2005. 420 с.
10. Мозолин В.П. Корпорации, монополии и право в США / В.П. Мозолин. М.: Изд-во МГУ, 1966. 394 с.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. М.: Русский язык, 1989. 750 с.
12. Сыродоева О.Н. Акционерное право США и России: сравнительный анализ / О.Н. Сыродоева. М.: Издательство «Спарк», 1996. 112 с.
13. Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А в 4 т. СПб., 1907.

Социальное развитие Ачинского уезда Енисейской губернии, конец XIX — начало XX в.

*Сорокун Павел Владимирович,
доцент кафедры теории и истории
государства и права Ачинского филиала
Красноярского государственного аграрного университета,
кандидат исторических наук
pavel_istoria@list.ru*

В статье анализируется социальное развитие Ачинского уезда в Енисейской губернии в период с 1898 по 1918 г. Приведены статистические сведения, дающие представление об отдельных категориях населения в Ачинском уезде, их социальном происхождении и вероисповедании. В работе также прослеживается взаимосвязь между деятельностью учебных заведений и развитием социальной сферы жизни общества в Ачинском уезде.

Ключевые слова: Енисейская губерния, уезд, округ, Сибирь, социальная политика, экономика, сельское хозяйство.

Social Development of the Achinsk Uyezd of the Yeniseysk Governorate in End of XIX – Beginning of XX Century

*Sorokun Pavel V.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Achinsk branch of the Krasnoyarsk State Agrarian University,
Candidate of Historical Sciences*

In article social development of the Achinsk County in the Yenisei province during the period since 1898–1918 is analyzed. The statistical data giving an idea of separate categories of the population in the Achinsk County, their social origin and religion are provided. In work the interrelation by activity of educational institutions and development of the social sphere of life of society in the Achinsk County is also traced.

Key words: Yenisei province, county, district, Siberia, social policy, economy, agriculture.

Социальное развитие Ачинского уезда Енисейской губернии в конце XIX — начале XX столетия насыщено событиями, отразившимися на развитии уезда и сыгравшими немаловажную роль в развитии региона.

Начальной границей исследуемого периода является 1898 г., это связано прежде всего с реформой административно-терри-

ториального деления, в данный период были возвращены такие территориальные единицы, как уезды. С этого времени Ачинский округ вновь стал именоваться Ачинским уездом.

К концу XIX в. завершается становление Ачинска как города с уклоном на капиталистическую форму развития, это было свя-

зано прежде всего с процессом разрушения натурального хозяйства, отделением большинства горожан от потребительского сельского хозяйства и промыслов. Кроме того, на начало XX в. пришлось немало событий, повлиявших на ход мирового, общероссийского и регионального развития, что, несомненно, представляет интерес для исследовательской деятельности¹.

К концу XIX столетия численный состав населения Ачинского уезда насчитывал 220.563 человека, что составляло примерно 1/5 от всего населения Енисейской губернии. Население уездного города Ачинска к концу XIX века составляло примерно 6% от населения всего уезда².

Автором была предпринята попытка проследить происходившие изменения в социальной сфере в период 1898 г. по 1918 г., уделив особое внимание деятельности учебных заведений, благодаря которым создавалась общая картина развития духовной культуры и образования, что является существенным количественным и качественным изменением в социальной сфере жизни общества.

Одним из таких учебных заведений являлась Ачинская городская женская гимназия. Образована 17 ноября 1885 г. на скромные средства городской Управы. Значительное дополнение к денежному фонду прогимназии составили средства от пожертвований состоятельных граждан города, заинтересованных в развитии образования в Ачинске.

В результате анализа социального происхождения учащихся была выявлена следующая тенденция: представители именно мещанской социальной группы были преобладающими среди обучающегося контингента. Религиозный состав обучающихся был следующим: 145 учениц принадлежали к православной конфессии, 15 учениц — иудаистского вероисповедания, реже встречались католики и мусульмане, именуемые в то время магометанами³.

С 1906 по 1909 учебный год проходило преобразование четырехклассной прогимназии в гимназию.

В подготовительных классах женской гимназии обучались 294 ученицы, из которых 111 были дочерьми мещан и 69 были детьми из крестьян, остальные же немногочисленные группы являлись представителями дворян, слоя купечества, военных чинов и пр., что говорит в пользу намеченной ранее тенденции преобладания числа учениц из мещан над ученицами из крестьян. При рассмотрении религиозного состава учениц было выявлено, что 236 учениц исповедовали православие и 50 являлись представителями иудаизма⁴.

Помимо Ачинской городской женской гимназии, информация о социальном развитии уезда и уездного города представлена в архивных материалах и сведениях о социальном происхождении, вероисповедании и годах рождения учащихся Ачинского уездного высшего начального училища, которое было образовано еще в 1832 г. и находилось в ведении дирекции училищ Енисейской губернии.

Анализ фондов архива по Ачинскому уездному высшему начальному училищу показал, что к концу XIX — началу XX века, а именно с 1898 по 1903 г., когда численный состав обучающихся составлял 287 человек, прослеживалась подобная тенденция преобладания обучающихся из мещан над обучающимися из крестьян в довоенное время, при том, что число выходцев из мещан составляло 150 человек, а выходцев из крестьян — 87 человек⁵.

Картина постепенно начала изменяться с 1914 г., когда число мещан составило 50 человек, а крестьян — 72. Это было обусловлено прежде всего тем, что первая мировая война внесла свои корректировки в социальное развитие уезда. Происходившие изменения представляется возможным проследить через деятельность учебных заведений, а также организаций, специально открытых для нужд военного времени.

Рассматривая состав обучающихся в Ачинской женской гимназии, необходимо отметить, что за период участия России в Первой мировой войне число учениц гимназии продолжало увеличиваться. В военное время в подготовительных классах Ачинской женской гимназии обучалось 290 человек, из которых 57 — это дочери мещан и 40 —

¹ Бьюкья Г.Ф., Федорова В.И., Ценюга И.Н. Красноярье: пять веков истории. Т. 1. Красноярск, 2006. С. 102; Резун Д.Я., Русские в среднем Причулымье в XVII–XIX веках. Новосибирск: Наука, 1984. С. 131.

² Чагин В.В. Красноярский край в истории Отечества. Книга первая. 1890–1917. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1996. С. 274.

³ МУ «Архив города Ачинска». Фонд № 1 «Ачинская городская женская гимназия», опись № 1, дело № 24.

⁴ МУ «Архив города Ачинска». Фонд № 1 «Ачинская городская женская гимназия», опись № 1, дела № 45, 46.

⁵ МУ «Архив города Ачинска». Фонд № 21 «Ачинское уездное высшее начальное училище», опись № 1–2, 3, дела № 240, 247, 250, 251.

крестьян. Анализ религиозного состава обучающихся показал следующее. Из 290 учениц 260 придерживались православного вероисповедания, 24 — иудаистского, также сравнительно небольшие группы составляли католики и мусульмане⁶.

За период с 1914 по 1918 г. общее число одновременно учащихся выросло с 303 учениц до 676. Занятия велись в две смены. В итоге к 1917–1918 гг. гимназия насчитывала 21 класс. Но в связи с политическими событиями февраля 1917 г. занятия в гимназии были прерваны.

Не менее важными сведениями, отражающими социальное развитие Ачинского уезда, являются документальные материалы архива по составу обучающихся Ачинского мужского общественного среднего учебного заведения (училища), открытого в сентябре 1916 года согласно разрешению Иркутского генерал-губернатора в составе четырех классов. Училище находилось в ведении дирекции народных училищ Енисейской губернии.

Первую половину 1916 г. общее заведение учебным заведением осуществляла Ачинская городская дума. За период с 1916 по 1917 учебный год число обучающихся составило 88 учеников. Показательно, что при изучении социального состава учащихся вновь прослеживается тенденция к изменению численного перевеса в пользу крестьян, а именно, число обучающихся детей мещан составило 34 человека, в то время как число крестьян было равным 36. По религиозному составу сведения отражают общую тенденцию преобладания числа православных над иудеями, при наличии католиков и старообрядцев⁷.

Свои изменения произошли и в работе Ачинского уездного училища, которое с 1 января 1914 г. функционировало как высшее начальное училище. В дополнение к этому с 1916 г. при высшем начальном училище были открыты педагогические курсы, имеющие целью подготавливать учителей начальных школ. Отмеченная ранее тенденция преобладания числа обучающихся мещан над крестьянами в предвоенный период изменилась за период войны в противоположную сторону, с преобладанием обучающихся крестьян над мещанами, при том что общее

число обучающихся было равным 373. Соотношение этих преобладающих среди контингента обучающихся социальных групп составляло 121:214. Религиозный же состав обучающихся в военное время оставался подобным составу в предыдущем периоде: соотношение иудаистского вероисповедания с православным, с преобладанием представителей последнего. Что подтверждает выводы, сделанные при анализе предшествующих учебных заведений⁸.

За время с 1917 по 1918 г. в училище обучалось 87 вновь поступивших человек, с сохранением преобладания выходцев из крестьян над выходцами из мещан. Разделение обучающихся по религиозному вероисповеданию было следующим: 56 православных, 28 иудеев, 3 католика⁹.

Коррективы, внесенные войной, отразились и на работе самого училища. Так, например, 18 июля 1914 г. инспектору Ачинского уездного высшего начального училища поступило распоряжение об освобождении вверенного ему здания училища для расквартирования в нем запасных нижних чинов, прибывающих на сборный пункт в город Ачинск. И на период с 22 июля по 10 августа 1914 г. прибывшие нижние запасные чины армии и флота были расквартированы в здании училища. После убийства военных, через три дня, 13 августа, для осмотра состояния училища был приглашен педагогический совет, который подтвердил антисанитарное состояние, в которое было приведено здание. После чего был проведен ремонт здания училища и проведены дезинфекционные работы.

Однако бремя военного времени по-разному влияло на жизнь учебных заведений. Так, например, промышленные учебные заведения, в большинстве своем обладающие оборудованными мастерскими и лабораториями, могли способствовать выполнению заказов, производству испытаний материалов, изготовлению различных принадлежностей для местных нужд военного ведомства, органов и учреждений Красного креста и местных городского и земского самоуправления. К этим работам и испытаниям привлекались учащиеся промышленных учебных заведений, что по замыслу руковод-

⁶ МУ «Архив города Ачинска». Фонд № 1 «Ачинская городская женская гимназия», опись № 1, дела № 146, 147, 162, 179, 187, 197, 198, 220, 224, 225.

⁷ МУ «Архив города Ачинска». Фонд № Р-44-Ф «Ачинское общественного мужское среднее учебное заведение», опись № 1, дела № 4, 7.

⁸ МУ «Архив города Ачинска». Фонд № 21 «Ачинское уездное высшее начальное училище», опись № 1–2, 3, дела № 307, 310, 313, 315, 319, 327.

⁹ МУ «Архив города Ачинска», фонд № Р-44-Ф «Ачинское общественного мужское среднее учебное заведение», опись № 1, дела № 11, 13.

ства учебных заведений должно было дать глубокое моральное удовлетворение запросам молодого поколения в деле помощи государству и имело бы большое воспитательное значение¹⁰.

Помимо этого, Министерство Народного Просвещения указывало на необходимость приобретения выпусков издания «Вооруженные силы иностранных государств», ввиду исключительного интереса, который должны представлять для учащихся происходящие военные события, отмечая, что широкое распространение указанного издания желательно особенно потому, что вся прибыль от него предназначена в пользу раненых.

Первая мировая война отразилась и на численном составе населения Ачинского уезда. Если в 1915 г. число беженцев, принятых и расселенных в волостях уезда, составляло 65 семей, в составе 340 человек, то к концу 1916 г. число семей беженцев равнялось 1053, так, например, Больше-Улуйская волость приняла 70 семей, Ново-Еловская — 110 и т.д. В целом же Ачинский уезд был в состоянии принять 4000 семей беженцев¹¹.

В 1914 г. в городе Ачинске по инициативе «Общества попечения о бедных» был открыт постоянный приют для сирот — детей воинов, убитых или потерявших трудоспособность, в период с 1915 по 1916 г. в приюте находилось 70 детей. Анализ социального состава детей выявил, что подавляющее большинство детей являются выходцами из крестьян. При рассмотрении же их религиозной принадлежности было выявлено, что

это преимущественно представители православной конфессии. Возрастная категория детей, проживающих в приюте, колебалась от 1 года до 14 лет¹².

В военные годы на территории уезда активно действовал Ачинский комитет по призрению семей лиц, призванных на войну. Данный комитет ведал вопросами движения денежных сумм в виде пожертвований, сбор которых осуществляли такие организации, как Ачинское городское попечительство по призрению семейств лиц, призванных на войну. Благодаря деятельности таких организаций, а также активной переселенческой политике судьба населения уезда и лиц, переселенных в него, облегчалась в эти непростые военные годы.

Подводя итоги, нужно отметить, что Ачинский уезд в исследуемый период в рамках социального развития имел позитивные тенденции в отдельных направлениях, открывались учебные заведения, увеличивалось количество учащихся, основная масса которых принадлежала до 1914 г. к мещанскому сословию. Уже в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. данная ситуация изменилась, это было связано прежде всего с тем, что основная масса военнослужащих формировалась из представителей мещанства, крестьяне в большей мере оставались работать в сфере сельского хозяйства, оказывая прежде всего продуктовую помощь, хлеб был очень важен для военных нужд.

Лидирующие позиции в вероисповедании занимало православие, это тоже играло положительную роль, население уезда было не равнодушным к общегосударственным проблемам, несмотря на нехватку средств, открывались приюты для сирот, делались пожертвования.

¹⁰ Скутнев А.В. Отношение православного духовенства и сельского населения к закону и законности в годы Первой мировой войны // История государства и права. 2017. № 5. С. 61–64.

¹¹ МУ «Архив города Ачинска». Фонд № 17 «Ачинский уездный комитет помощи беженцам империалистической войны», опись № 1, дело № 6.

¹² МУ «Архив города Ачинска». Фонд № 1 «Ачинская городская женская гимназия», опись № 1, дело № 175.

Литература

1. Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Ценюга И.Н. Красноярье: пять веков истории / Г.Ф. Быконя, В.И. Федорова, И.Н. Ценюга. Т. 1. Красноярск, 2006. 253 с.
2. МУ «Архив города Ачинска», фонд № 1 «Ачинская городская женская гимназия». Опись № 1, дела № 1, 24, 46–48, 146, 147, 162–225.
3. МУ «Архив города Ачинска», фонд № 17 «Ачинский уездный комитет помощи беженцам империалистической войны». Опись № 1, дело № 6.
4. МУ «Архив города Ачинска», фонд № 21 «Ачинское уездное высшее начальное училище». Опись № 1–2, 3, дела № 240, 247, 250, 251, 307, 310, 313, 315, 319, 327.
5. МУ «Архив города Ачинска», фонд № Р-44-Ф «Ачинское общественное мужское среднее учебное заведение». Опись № 1, дела № 4, 7, 11, 13.

6. Резун Д.Я., Русские в среднем Причулымье в XVII–XIX веках / Д.Я. Резун. Новосибирск : Наука, 1984. 200 с.
7. Скутнев А.В. Отношение православного духовенства и сельского населения к закону и законности в годы Первой мировой войны / А.В. Скутнев // История государства и права. 2017. № 5. С. 61–64.
8. Чагин В.В. Красноярский край в истории Отечества. Книга первая. 1890–1917 / В.В. Чагин. Красноярск : Красноярское книжное издательство, 1996. 274 с.

Конституционные реформы в Османской империи (1808–1921)

*Сулейманов Алим Видадиевич,
доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии
Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского,
кандидат политических наук
alim-suleymanov@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности государственно-правовых реформ в Османской империи в период с 1808 по 1921 гг. Автор, используя сравнительно-исторический и сравнительно-юридический подходы, анализирует два крупных периода конституционного реформирования — Низами Джедид и Танзимат, характеризовавшихся всеобъемлющей рецепцией права стран Западной Европы в правовую систему Османского государства. Данные реформы, итогом которых стало принятие первой Османской конституции 1886 г., сыграли ключевую роль в становлении правового государства в Турции в XX веке.

Ключевые слова: Османская империя, Турция, конституция, парламент, реформы, рецепция западноевропейского права.

Constitutional Reforms in the Ottoman Empire (1808–1921)

*Suleymanov Alim V.,
Assistant Professor of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics
of the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
Candidate of Political Sciences*

In the article are considered features of state-legal reforms in Ottoman empire during the period of 1808–1921. Author, using comparative-historical and rather-legal approaches, analyzes two large periods of the constitutional reforming — Nizami Dzhedid and Tanzimat which are characterised comprehensive reception of law of Western Europe countries in legal system of Ottoman state. The given reforms became which result an acceptance of the first Ottoman constitution of 1886, also have played a key role in lawful state formation in Turkey in the XX century.

Key words: Ottoman empire, Turkey, constitution, reforms, parliament, reception of Western European law.

Основы конституционного права турецкого государства начинают зарождаться еще во времена Османской империи. Его становлению способствовали реформы, проводимые в конце XVIII века султаном Селимом III, получившие название «Низами джедид»¹. Основной целью преобразований было укрепление Османской империи, находившейся в упадке, за счет воссоздания боепо-

собной и сильной армии по европейскому образцу, а также проведения экономических и административных реформ.

Следует отметить, что многие века правовая культура Османской империи была регламентирована исключительно шариатом — священным правом ислама. Шариат был главным правовым источником, который регулировал все ключевые правовые сферы жизни турецкого общества — государственную, гражданскую, торговую и уголовную. При этом по форме государ-

¹ В переводе с османского языка означает «новый порядок» или «обновленное устройство».

ственного устройства Османская империя практически вплоть до своего исчезновения представляла собой абсолютную монархию и теократию, где религия и государство были смешаны².

Однако победа Французской революции 1789 г., а также поражение Османской империи в войне с Россией и Францией обусловили необходимость проведения первых масштабных государственных реформ.

В частности в области провинциальной администрации были подготовлены правила, призванные ограничить власть пашей (феодалов), установив срок пребывания в должности губернатора в три года и поставив повторное назначение в зависимость от степени удовлетворенности его деятельностью со стороны населения. Кроме того, ряд реформ касался налогообложения в провинциях. Они отражали стремление упразднить откупное налогообложение в земледелии с помощью указа, по которому государственные доходы должны были собираться имперским казначейством.

Были предприняты также попытки реализовать земельную реформу, охватывающую тимары и другие феодальные земельные владения. Земли, которые освобождались после смерти их владельцев, больше не могли продаваться или обрабатываться. Теперь эти земли должны были возвращаться суверену, и доходы от них аналогичным образом собирались имперским казначейством³. Однако главной целью реформирования Селима III стала армия и преимущественно войско янычар, которое он стремился перевооружить и переобучить по западному образцу.

Селим III пытался укрепить центральную власть и сделать во многом номинальный контроль над провинциями более реальным, что, конечно, встречало саботаж и скрытое сопротивление местного высшего чиновничества и наиболее крупных феодалов — аянов. Недовольство реформами Селима III высказывали и клерикальные круги, обвинявшие султана в отступлении от норм шариата и тесных контактах с гяурами.

Не способствовали преобразованиям и сложная международная обстановка наполеоновской эпохи в Европе, и рост антитурецкого национально-освободительного движе-

ния на Балканах, в Аравии и Египте. Все эти причины в совокупности и предопределили неудачу реформаторской деятельности Селима III. В 1806 г. в результате мятежа янычар (главного орудия реакционеров), недовольных ущемлением своего прежде привилегированного положения, султан был вынужден распустить новый корпус и практически отказался от каких-либо проектов реформирования страны. А год спустя в ходе очередного бунта янычар Селим III был свергнут с престола и убит⁴.

Новый этап конституционных реформ начался в период правления султана Махмуда II (1807–1839 гг.), вынужденного пойти на крайние меры в ситуации еще большего ослабления Османской империи в результате неудачной войны с Россией, освободительного движения в Сербии, Греции и Дунайских княжествах, а также в связи с внутренней нестабильностью.

Первым юридически значимым документом, ограничивающим власть султана, стал «Пакт согласия» (Sened-i İttifak), подписанный в 1808 г. между местной знатью — аянами и османским двором. В документе феодалы подтверждали свою лояльность Султану в обмен на признание им своих традиционных привилегий⁵. Однако фактически данный акт остался неосуществленным, поскольку был быстро отвергнут Махмудом II, начавшим проводить модернизацию османского общества и государства.

В числе важнейших реформ Махмуда II была ликвидация тимарной системы, находившейся в состоянии полного упадка и превратившейся в тормоз развития страны. В ходе реформы у феодалов-ленников было изъято около 2500 наделов земли, управление которыми перешло в руки государства, так же, как и право сбора налогов с этих владений по откупной системе.

Была также осуществлена и полная реорганизация административного управления. Империя была разделена по территориальному признаку на вилайеты (губернии) и санджаки (уезды) с назначаемыми центральной властью чиновниками. Реорганизация затронула и государственный аппарат, в рамках которого было создано несколько министерств по европейскому образцу, был

² Bayraktar K. Les relations du droit constitutionnel avec le droit penal dans le system juridique turc // Annales de la Faculté de Droit d'Istanbul. 1980. Cilt 43. P. 223.

³ Кинросс Л. Расцвет и упадок Османской империи / пер. с англ. М. Пальникова. М. : КРОН-ПРЕСС, 1999. С. 454.

⁴ Петросян И.Е., Петросян Ю.А. Османская империя: реформы и реформаторы (конец XVIII — начало XX в.). М., 1993. С. 19–20.

⁵ Sened-i İttifak (1808) // URL: <http://www.anayasa.gen.tr/senediittifak.htm>

сформирован совет министров Османской империи.

Реформы Махмуда II явились важным этапом в процессе европеизации Османской империи, ее экономического и культурного прогресса. Их естественным, логическим продолжением стали начавшиеся на рубеже 30–40-х гг. XIX в. реформы, вошедшие в историю Турции под названием «Танзимат»⁶.

Период Танзимата (1839–1878 гг.) отождествляет собой целую эпоху в правовой истории Османской империи. Именно в этот период были предприняты попытки кардинального реформирования законодательной базы османского государства по европейскому образцу⁷.

Начало данного периода отождествлялось с принятием в 1856 г. Закона (Фирмана), именуемого «Хатт-и-Хюмаюн». Этот правовой акт стал важной вехой в истории турецкого права. Этой декларацией был провозглашен отказ от системы, в своей основе утверждавшей в течение 12 веков свою неизменность и свое превосходство, и установление вместо нее принципа равенства и безопасности всех людей — подданных империи. Принципы Французской революции менее чем через полвека и даже раньше, чем в некоторых странах Запада, утверждались на территории Османской империи. Фирман начинался со следующих слов: «С момента возникновения Османского государства благодаря его безусловной приверженности шариату Султанат оставался сильным, а его народ — счастливым»⁸.

Действительно, в этом султанском рескрипте были провозглашены такие новшества, как принцип гарантии индивидуальной безопасности и равенства перед законом всех подданных, безопасность жизни и имущества, справедливое распределение и взимание налогов, реорганизация армии, преобразования в административном управлении, судебном деле, в сфере культуры и образования.

Начиная с того времени изменениям подвергается вся правовая система. Уже через 7 месяцев после принятия Фирмана, в мае 1840 г. был издан Уголовный кодекс, кото-

рый вводил правовой контроль над теми судебными делами, которые не подлежали рассмотрению шариатским судом и решались согласно обычному праву от имени султанской власти. Всеобщая правовая предназначенность этого закона, его равное применение ко всем — и к отдельному лицу, и к сословию, и даже к падишаху — предстает перед нами как новый, заимствованный у Европы принцип.

Рецепция европейского права была всеобъемлющей. В 1850 г. был принят Торговый кодекс, заимствовавший немало положений из соответствующего французского кодекса 1807 г. Восприняв положение о проценте, этот новый кодекс вступил в противоречие с исламским правом⁹.

После официального благословения подписантов Парижского мирного договора, в правление султана Абдулмеджида (1839–1861 гг.) Турция начала второй этап реформ танзимата. Речь идет о документе, именуемом турецкими правоведами Хатт-и шерифе (или Ислахат ферманы — фирман о реформах) и принятом 28 февраля 1856 г., всего за месяц до подписания Парижского договора.

Особенностью принятия данного документа было то, что он был принят в условиях неприкрытого давления военных союзников Турции, на исходе победоносной для них и Турции Крымской войны, поэтому по своему общему содержанию был призван довести до конца и конкретизировать реформы, намеченные и начатые еще 3 ноября 1839 г.

Оценивая Ислахат ферманы, турецкие ученые-юристы пишут, что документ, обеспечивая равенство между христианами и мусульманами, даже «нарушал в известной мере исламское право». Так, по их мнению, «признание за христианами и иностранцами преимуществ при судебных разбирательствах создавало опасность подрыва и разрушения правового единства». Столь же негативным действием для них было включение фирмана в текст Парижского договора, «ведь в этом же договоре запрещается вмешательство во внутренние дела Османского государства, коим и является упомянутое включение», и таким образом косвенно допускается, что великие державы могут распоряжаться Османской империей»¹⁰.

⁶ Tanzimat — в пер. с османского языка означает «упорядочение, реформация».

⁷ Kaboğlu İ. Le système constitutionnel turc et les perspectives de revision // URL: <http://pf-mh.uvt.rnu.tn/675/>

⁸ Hattı Hümayun // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Hatt-ı_humayun

⁹ Киреев Н.Г. История Турции XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. С. 39–40.

¹⁰ Там же. С. 48–50.

Данное обстоятельство обусловило создание качественно новых гражданско-правовых отношений. При этом особо важным называется турецкими авторами Земельный кодекс 1858 г.

Согласно современным оценкам турецких специалистов, значимость закона 1858 г. состоит в следующем: с его принятием частнособственнические земли были отделены от земель в деревнях и касаба от государственных земель, они представляли собою частную земельную собственность. Частные земли, ранее очень ограниченные по площади, со временем получили большое распространение.

Судьба Земельного кодекса и некоторых других важных законов отражала острую борьбу в турецкой элите, окружении султана по поводу конкретного содержания реформ, декларируемых Танзиматом. Европейское и шариатское право сталкивались в реформаторских законах постоянно. Так произошло и с другим важнейшим законом — Гражданским кодексом. Подготовка его была поручена комиссии, возглавляемой известным историком с весьма консервативным мировоззрением Ахмедом Джевдет-пашой (1822–1895 гг.), который отверг предложения о принятии за основу французского гражданского кодекса. Он был убежден, что мусульманскому обществу будет невозможно воспринять гражданское право христианского государства, что необходимо систематизировать и упорядочить гражданское право на основе исламского права, т.е. шариата. В результате на свет после долгой работы комиссии (в 1868–1876 гг.) появился 16-томный труд Меджелле-и Ахкам-и Адлийе — первый в исламском мире Гражданский кодекс¹¹.

Торжественное объявление конституции состоялось 23 декабря 1876 г. Конституция определяла общую структуру государства, его органы и взаимодействие между ними, основные права и свободы граждан; таким образом, впервые было документально закреплено правовое положение Османской империи. Она провозглашала в Турции конституционную монархию.

Самой важной особенностью Конституции было создание законодательного собрания, названного «Генеральной Ассамблеей» (Meclisi Umumi), состоявшей из двух палат: Сената (Heyeti Mebusan) и Палаты депу-

татов (Heyeti Mebusan)¹². При этом члены сената назначались султаном пожизненно из лиц не моложе 40 лет, занимавших ранее высокие государственные посты, а палата депутатов избиралась на основе высокого имущественного ценза. Состав депутатов был подобран правительством только из числа высокопоставленных лиц, лояльных султанской власти. Но даже такой слабый парламент доставлял властям беспокойство. Иногда парламент поднимал вопросы казнокрадства, о злоупотреблениях высших чиновников, расточительстве двора и др.¹³

Сенат имел право отвергать законопроекты, принятые палатой депутатов. Палата депутатов избиралась мужским населением империи тайным голосованием из расчета 1 депутат на 40 тыс. жителей. Ими могли быть подданные империи, владеющие турецким языком и достигшие 30-летнего возраста. В права этой палаты входило обсуждение и утверждение государственного бюджета, а также рассмотрение и утверждение законопроектов, касающихся финансов и положений конституции. В конституции были наконец определены права и обязанности министров и чиновников империи, а также принцип гласности и независимости судов, подчеркивалось, что Османская империя — единое целое, которое не подлежит расчленению. Этот пункт был направлен против освободительной борьбы нетурецких народов. Все подданные империи объявлялись «османами» и считались равными перед законом. Государственным языком признавался турецкий, а государственной религией — ислам¹⁴.

Однако султану Абдул-Хамиду удалось ввести в конституцию несколько пунктов, которые фактически парализовали ее нормы. За султаном сохранялись наиболее существенные права: он имел право назначать и смещать министров, объявлять войну, заключать мир, вводить военное положение и прекращать действие гражданских законов, за ним признавалось право отправлять в ссылку любого, кого он мог посчитать угрозой государству. Провозглашалась личная свобода и равенство перед законом всех подданных империи без различия вероисповедания, гарантировалась безопасность движимой и недвижимой собственности,

¹² Özbudun E. Constitutional Law // URL: <https://istanbuluniversitesi.hukukfakultesi.gen.tr>

¹³ Петросян Ю.А. Первая турецкая конституция // Народы Азии и Африки. 1976. № 6. С. 79.

¹⁴ Киреев Н.Г. История Турции XX век. М. : ИВ РАН: Крафт+, 2007. С. 60.

¹¹ Киреев Н.Г. История Турции XX век. М. : ИВ РАН: Крафт+, 2007. С. 52.

неприкосновенность жилища, пропорциональное распределение налогов и податей на основе закона, запрещение барщины, конфискации и штрафов. Она также декларировала свободу печати, объявила об обязательном начальном образовании¹⁵.

Позже Мустафа Кемаль Ататюрк отмечал: «Эта конституция отнюдь не воплощала в себе желания нашей нации, ее подлинные чаяния и стремления. Она появилась вследствие желания хотя бы временно удовлетворить требования наших врагов... Составленная тогда конституция не имела ничего общего с нацией, национальной волей и суверенитетом. Султан Абдул-Хамид на основании этой конституции, используя право, которое она ему предоставила, разогнал обманутых представителей нации и потом еще тридцать лет держал народ в рабстве. Наконец наша несчастная нация вновь поднялась на борьбу, чтобы добиться суверенитета и свободы»¹⁶.

Другими словами, Конституция 1876 г. была далека от установления парламентской монархии, в которой сила политической власти принадлежала бы парламенту, а роль монархии ограничивалась бы церемониальными вопросами. Однако даже этот «конституционный эксперимент» оказался слишком многим для Абдулгамида II, который распустил Палату депутатов в 1878 г. и возвратил себе абсолютную и неограниченную власть.

Несмотря на это, под влиянием западного либерализма увеличивалось число студентов, ученых, бюрократов и военных, которые присоединялись к зарождавшейся в стране буржуазной оппозиции, впоследствии составившей основу политической организации турецких революционеров — Единение и Прогресс. В конечном счете в результате вооруженного переворота Султан был вынужден восстановить Конституцию в 1908 г.

Впоследствии летом 1909 г. депутаты партии Единение и Прогресс провели через парламент ряд важных изменений конституции 1876 г., направленных на превращение империи в парламентское государство, и прежде всего реформирование османского законодательства по примеру европейского. Некоторые ее статьи были и вовсе изъяты. Подоб-

ные изменения привели к появлению почти что новой конституции.

Полномочия султана ограничивались, а полномочия парламента расширялись. Министры назначались уже не султаном, а садра-замом (визирем). Были конкретизированы права парламентариев на законодательную инициативу; право падишаха созывать парламент отменялось, а право роспуска ограничивалось.

Появилось положение о необходимости утверждения парламентом соглашений, подписанных с иностранными государствами, а также положение о том, что парламент может отправить правительство в отставку, высказав ему недоверие. Получило подтверждение право на свободу организации собраний и обществ, что позволяло создавать политические партии. Была исключена ст. 113 конституции, касавшаяся права султана вводить чрезвычайное положение. На падишаха возлагалась обязанность соблюдать священные нормы шариата и др.¹⁷

Как бы там ни было, и первая конституция, и вторая не принесли Османскому государству демократию. Однако каждая из них сыграла свою положительную роль в истории Османского государства, они способствовали зарождению и расширению идейной борьбы в турецком обществе за дальнейший прогресс, ликвидацию авторитарной и деспотической султанской власти. Изменения, произведенные в конституции, значительно расширили права парламента, который впоследствии стал пользоваться неограниченной законодательной и исполнительной властью¹⁸.

Этот период в Османской правовой истории называют Вторым конституционным периодом. Восстановленная Конституция 1876 г. была существенно исправлена в 1909 г., чтобы увеличить полномочия законодательного органа и ограничить таковые у Султана.

Таким образом, именно в этот период возникла конституционная система, которая была подобна конституционным системам парламентских монархий стран Западной Европы. Однако эта конституционная эра длилась недолго, она была быстро преобразована в диктатуру правящей партии Единение и Прогресс, которая после поражения Ос-

¹⁵ Constitution ottoman 1876. URL: <http://mjp.univ-perp.fr/constit/tr1876.htm>

¹⁶ Ататюрк К. Избранные речи и выступления / под ред. А.Ф. Миллера. М.: Изд-во «Прогресс», 1966. С. 191.

¹⁷ Revised Articles of the 1876 Constitution. URL: <http://www.anayasa.gen.tr/1876constitution.htm>

¹⁸ Киреев Н.Г. История Турции XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. С. 80–81.

манской империи в Первой мировой войне была распущена.

Однако, несмотря на фактическое исчезновение Османской империи в соответствии с Севрским мирным договором 1920 г., государственная система Осман-

ской империи продолжала существовать вплоть до принятия 20 января 1921 г. революционной властью конституционного закона «Об основных организациях», ставшего впоследствии основой первой республиканской конституции Турции 1924 г.

Литература

1. Ататюрк К. Избранные речи и выступления / К. Ататюрк; под ред. А.Ф. Миллера. М. : Изд-во «Прогресс», 1966. 439 с.
2. Кинросс Л. Расцвет и упадок Османской империи / Л. Кинросс; пер. с англ. М. Пальникова. М. : КРОН-ПРЕСС, 1999. 696 с.
3. Киреев Н.Г. История Турции XX век / Н.Г. Киреев. М. : ИВ РАН: Крафт+, 2007. 608 с.
4. Петросян И.Е. Османская империя: реформы и реформаторы (конец XVIII — начало XX в.) / И.Е. Петросян, Ю.А. Петросян. М., 1993. 186 с.
5. Петросян Ю.А. Первая турецкая конституция / Ю.А. Петросян // Народы Азии и Африки. 1976. № 6. С. 79.
6. Bayraktar K. Les relations du droit constitutionnel avec le droit penal dans le system juridique turc / K. Bayraktar // Annales de la Faculté de Droit d'Istanbul. 1980. Cilt 43. P. 223.
7. Constitution ottoman 1876. URL: <http://mjp.univ-perp.fr/constit/tr1876.htm>
8. Özbudun E. Constitutional Law / E. Özbudun. URL: <https://istanbuluniversitesi.hukukfakultesi.gen.tr>
9. Kaboğlu İ. Le systeme constitutionnel turc et les perspectives de revision / İ. Kaboğlu. URL: <http://pf-mh.uvt.rnu.tn/675/>
10. Hattı Hümayun. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Hatt-i_humayun
11. Revised Articles of the 1876 Constitution. URL: <http://www.anayasa.gen.tr/1876constitution.htm>
12. Sened-İ İttifak (1808). URL: <http://www.anayasa.gen.tr/senediittifak.htm>

Советские исправительные трудовые дома как социальная клиника в 20–30-е гг. XX в.

*Ливенцев Дмитрий Вячеславович,
профессор внебюджетного факультета
Воронежского института
Федеральной службы исполнения наказаний,
доктор исторических наук, профессор
liva2006@yandex.ru*

Статья описывает результаты деятельности советских исправительных трудовых домов как социальной клиники по перевоспитанию правонарушителей.

Кроме того, уделяется внимание мировой истории исправительных учреждений.

Ключевые слова: исправительный трудовой дом, социальная клиника, общественный порядок, лекции, курсы, ремесла, завод.

Soviet Correctional Labor Homes as Social Clinic in 20–30s of XX Century

*Liventsev Dmitry V.,
Professor of the Extra-Budgetary Faculty
of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Doctor of History, Professor*

This article describes the results of the activities of the Soviet correctional labor facilities as a social clinic for the rehabilitation of offenders.

In addition, attention is paid to the history of the world of corrections.

Key words: correctional labor house, the social clinic, public order, lectures, courses, crafts, plant.

При модернизации любой правовой системы возникает естественное желание власти найти новые формы воздействия на преступников с целью доказательства эффективности собственной идеологии¹. Не избежала подобных попыток и советская исправительная система. 19 декабря 1917 г. выходит Инструкция Народного комиссариата «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке проведения его заседаний»², уже в данном документе упоминались среди наказаний принудительные работы³. Более четко подобный вид наказания определил «Исправительно-трудовой кодекс РСФСР

1924 г.»⁴. В нем нашли отражение исправительно-трудовые дома, функционирующие по месту жительства правонарушителя⁵. Как гласило открытое письмо «Московского городского отделения исправительно-трудовых работ»: «... Одной из мер репрессии, применяемой судебными органами к лицам, нарушающим общественный порядок и противодействующим социалистическому строительству, являются исправительно-трудовые работы, без лишения свободы»⁶.

Надо отметить, что исправительный трудовой дом воспринимался в 20–30-е гг. XX в. как своеобразная социальная клиника для перевоспитания несознательных

¹ Денисенко В.В. Модернизация общества и правовое регулирование // История государства и права. 2007. № 22. С. 3.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 181–182.

³ Халченя Е.А., Железная Ю.Ю., Кузьмин С.И. Особенности правового регулирования труда осужденных в 1930–1940 гг. // История государства и права. 2007. № 22. С. 59.

⁴ Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. Ленинград, 1925. 76 с.

⁵ Детков М.Г. Тюрмы, лагеря и колонии России. М., 1999. С. 112–113.

⁶ Открытое письмо ко всем низовым профорганизациям // За трудовое перевоспитание: Ежемесячное издание Московского городского отделения исправительно-трудовых работ. 1933. № 1. С. 14.

граждан при помощи труда на благо общества. Именно в процессе работы в трудовом коллективе должно было происходить перевоспитание нарушителя общественного порядка, т.е. потенциальный преступник переставал жить личными мотивами и прорикался задачами построения социалистического строя. Отсюда возникает вопрос: «Насколько эффективен был подобный путь перевоспитания?».

Реализацию пути перевоспитания посредством социальной клиники можно наблюдать в журнале Нижегородского Исправтруддома: «... Прошел месяц... его молодая душа (преступника. — *Авт.*) стала воспринимать отрицательное и положительное. Чутко прислушиваясь к жизни Исправтруддома, он нашел, что она способна переродить преступника. Клуб, школа, библиотека оказывали на него полезное влияние, он с жадностью поглощал все это, ибо только Исправтруддом способен захватить специфическое внимание заключенных. Скоро он стал забывать свое прошлое...»⁷.

Весьма интересна заметка в «Еженедельнике Нижегородского Исправтруддома» под названием «Давно бы пора»: «... За последнее время приходится констатировать некоторый подъем политико-общественного воспитания заключенных. Курсы, открытые учебно-воспитательной частью, уже начали функционировать, прочтены лекции по специальным предметам — по сапожному, швейному ремеслам, агрономии... Лекции по политическим вопросам читаются каждый день. Вообще, воспитательная работа идет нормальным темпом, что, безусловно, полезно для заключенных»⁸.

Исправтруда работница Е.П. Чистякова в 1931 г. писала следующее: «... Я была осуждена на год исправтудработ, и с 14 января сего года начала работать в качестве приемщицы вечерней смены. Еще выскажу свой взгляд на исправтудработу. Каждая исправтудработница должна жить жизнью

завода, т.е. интересоваться работой и выполнением промфинплана, а не ходить и смотреть на часы: вот, скоро звонок, и день проработала»⁹.

Вот что писал ударник труда исправтудработник Разгуляев: «... К 30-ти годам жизни я был человеком малосознательным, благодаря среде деклассированных лиц, к которым попал. Результаты вовлечения меня в общественную жизнь на заводе «Экспресс» быстро сказались. Мне не хотелось по окончании рабочего дня уходить с завода, я оставался на вторую смену с целью узнать, как будут работать исправтудработники во второй смене. К октябрьским торжествам я был досрочно освобожден, как ударник, премирован 1100 рублями и шарфом. До этого я был премирован 25 рублями за ударную работу в цеху. После такого отношения, после такой работы мне жизнь показалась полноценной, я уже знаю цель, куда мне нужно идти, за что бороться»¹⁰.

По письмам исправтудработницы Е.П. Чистяковой и исправтудработника Разгуляева можно уже конкретно говорить о положительной динамике перевоспитания личности потенциального преступника в условиях исправительного трудового дома и становлении их как передовиков производства, заинтересованных в общественной значимости собственного труда.

Получается, что система исправительных трудовых домов в 20–30-е гг. XX в. достигала эффективных результатов. В некотором роде исправительные трудовые дома выполняли роль социальной клиники, воспитывая в рабочем коллективе исправтудработников как людей, не только заинтересованных в скором окончании принудительного общественного труда, ни и готовых выполнять и перевыполнять производственный план. Отсюда можно говорить, как минимум, о частичной реализации плана реализации исправительных трудовых работ как социальной клиники.

⁷ Кудрявцев Н. Возрождение (психологический набросок) // Еженедельник Нижегородского Исправтруддома: еженедельный, популярно-научный, политико-экономический и литературно-спортивный журнал Исправтруддома. 1922. № 1. С. 4.

⁸ Давно бы пора // Еженедельник Нижегородского Исправтруддома: еженедельный, популярно-научный, политико-экономический и литературно-спортивный журнал Исправтруддома. 1922. № 1. С. 7.

⁹ Исправтудработница должна жить жизнью завода // За трудовое перевоспитание: Ежемесячное издание Московского городского отделения исправительно-трудовых работ. 1933. № 1. С. 7.

¹⁰ Организаторы ударных бригад // За трудовое перевоспитание: Ежемесячное издание Московского городского отделения исправительно-трудовых работ. 1933. № 2–3. С. 14.

Литература

1. Давно бы пора // Еженедельник Нижегородского Исправтруддома: еженедельный, популярно-научный, политико-экономический и литературно-спортивный журнал Исправтруддома. 1922. № 1. С. 7.
 2. Денисенко В.В. Модернизация общества и правовое регулирование / В.В. Денисенко // История государства и права. 2007. № 22. С. 2–4.
 3. Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России / М.Г. Детков. М.: Вердикт-ИМ, 1999. 448 с.
 4. Кудрявцев Н. Возрождение (психологический набросок) / Н. Кудрявцев // Еженедельник Нижегородского Исправтруддома: еженедельный, популярно-научный, политико-экономический и литературно-спортивный журнал Исправтруддома. 1922. № 1. С. 1–7.
 5. Исправтрудработница должна жить жизнью завода // За трудовое перевоспитание: Ежемесячное издание Московского городского отделения исправительно-трудовых работ. 1933. № 1. С. 7.
 6. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. Ленинград, 1925. С. 76.
 7. Организаторы ударных бригад // За трудовое перевоспитание: ежемесячное издание Московского городского отделения исправительно-трудовых работ. 1933. № 2–3. С. 14.
 8. Открытое письмо ко всем низовым профорганизациям // За трудовое перевоспитание: ежемесячное издание Московского городского отделения исправительно-трудовых работ. 1933. № 1. С. 14–15.
 9. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 1483.
 10. Халченя Е.А. Особенности правового регулирования труда осужденных в 1930–1940 гг. / Е.А. Халченя, Ю.Ю. Железная, С.И. Кузьмин // История государства и права. 2007. № 22. С. 59–64.
-

Таможенный контроль как функция таможенных органов в советской России: историко-правовой аспект

*Агамагомедова Саният Абдулганиевна,
доцент кафедры «Менеджмент и экономическая безопасность»,
Пензенский государственный университет,
кандидат социологических наук
saniyat_aga@mail.ru*

В советский период развития таможенного дела таможенный контроль направлен на соблюдение и защиту государственной монополии внешней торговли. Он ограничен контролем за перемещением пассажиров через таможенную границу. Контрольные функции таможенных органов в советский период становятся основными, фискальные задачи в условиях государственной монополии внешней торговли сведены к минимуму. Таможенный Устав СССР 1924 г., Таможенные кодексы СССР 1928, 1964, 1991 гг. отражают командно-административные механизмы в экономике страны. Тем не менее административное регулирование таможенного контроля продолжается, совершенствуется система его форм и методов, развиваются положения об ответственности за нарушения требований таможенного контроля. Эти тенденции находят отражение в развитии научной мысли в области таможенного права, которое отождествляется главным образом с таможенным контролем.

С начала 90-х гг. изменения в политической и экономической политике государства обусловили трансформацию контрольно-надзорной функции таможенных органов. Развитие внешне-экономической деятельности возрождает таможенно-тарифные механизмы регулирования внешней торговли и, соответственно, расширяет и укрепляет полномочия таможенного ведомства. Развивается таможенное законодательство, новым этапом в совершенствовании которого стало принятие Таможенного кодекса РФ 1993 г., вобравшего в себя прогрессивные принципы международных стандартов в области таможенного регулирования.

Ключевые слова: *таможенный контроль, таможенные органы, таможенный досмотр, функция таможенных органов, таможенный кодекс, монополия внешней торговли.*

Customs Control as Function of Customs Authorities in Soviet Russia: Historical and Legal Aspect

Agamagomedova Saniyat A.,

Assistant Professor of the Department of Management and Economic Security

of the Penza State University,

Candidate of Sociological Sciences

During the Soviet period of development of customs control Customs aims to respect and protect the state monopoly of foreign trade. It is limited to the control of passengers crossing the customs border. Control functions of customs authorities in the Soviet period are the main, fiscal problems in the conditions of state monopoly of foreign trade are minimized. Customs Charter of the USSR in 1924, the Customs Code of the USSR in 1928, 1964 and 1991 reflect the command-and-control mechanisms in the economy. Nevertheless, administrative regulation of customs control continues improving its system of forms and methods of developing regulations on liability for violation of customs control requirements. These trends are reflected in the development of scientific thought in the field of customs law, which is identified mainly with customs control.

Since the early 90-ies of changes in the political and economic policy led to the transformation of control and supervisory functions of the customs authorities. The development of foreign economic activity revives the customs-tariff regulation of foreign trade mechanisms and, therefore, expands and strengthens the powers of the customs authorities. Develops customs legislation, a new stage in the improvement of which was the adoption of the Customs Code of the Russian Federation in 1993 year, incorporating the progressive principles of international standards in the field of customs regulation.

Key words: customs control, customs authorities, customs clearance, function of customs authorities, customs code, monopoly of foreign trade.

Революционные преобразования 1917 г. существенно изменили политическую, социально-экономическую ситуацию в стране, что не могло не отразиться на таможенной политике и ее основном инструменте — таможенном контроле.

В.Г. Храбсков говорит о новых формах осуществления контрольных функций таможенных органов после 1917 г.¹ Советское правительство, заботясь о защите экономических интересов страны, издало ряд постановлений, регулирующих таможенные формальности. Так, 10 ноября 1917 г. В.И. Ленин подписал постановление «О свободном вывозе из Финляндии бумаги, бумажной массы прочих бумажных фабрикатов в пределы Российской Республики». В таможенные учреждения были направлены распоряжения по организации таможенного контроля. Первым правительственным документом, в котором закреплялись подчиненность таможенных органов и их функциональные обязанности, а также порядок ввоза и вывоза товаров, было постановление СНК РСФСР от 29 декабря 1917 г. «О порядке выдачи разрешения на ввоз и вывоз товаров»².

На первом этапе социалистического строительства реализация ленинской идеи государственной монополии внешней торговли практически свела на нет систему таможенно-тарифного регулирования. Например, в период военного коммунизма неоднократно предлагалось закрыть таможенные учреждения.

В период новой экономической политики таможенное регулирование было реабилитировано. С 1922 по 1928 г. в стране формируется система управления таможенным делом, которая, безусловно, носила на себе отпечатки сложившейся во всей стране командно-административной машины. Контрольные функции таможенных органов стали доминирующими. Следует согласиться с О.В. Гречкиной в том, что в период национализации всей торговли и промышленности таможенные органы утратили свои налоговые функции и превратились в контрольно-пропускные пункты по приему-хранению грузов³.

В 1924 г. был принят первый и последний в советской истории Таможенный Устав СССР⁴. Согласно его положениям формами таможенного контроля выступали до-

¹ Храбсков В.Г. Таможня и закон. М.: Юрид. литература, 1979. С. 49–50.

² Кисловский Ю.Г. История таможенного дела и таможенной политики России. 3-е изд., доп. / под общ. ред. А.Е. Жерихова. М.: РУСИНА-ПРЕСС, 2004. С. 275.

³ Гречкина О.В. Административная юрисдикция таможенных органов Российской Федерации: теоретико-прикладное исследование: дис. ... докт. юрид. наук. Челябинск, 2011. С. 33.

⁴ Принимаемые позже подобные нормативные акты называются таможенными кодексами.

смотр и передосмотр товаров⁵. Неразрывно с правовым регулированием таможенного контроля во все времена выступала правовая регламентация контрабанды и нарушений таможенных правил. Так, Таможенный Устав СССР 1924 г. предусматривал административную ответственность за такие нарушения как: недостача против показаний грузовых документов в весе, количестве товаров или предметов товаров (аналог современного недостоверного декларирования товаров); повреждение таможенных замков, пломб, печатей и шнуров, наложенных таможенным надзором (аналог изменения средств таможенной идентификации); погрузку или выгрузку товаров без надлежащего разрешения таможни (аналог совершения грузовых или иных операций с товарами, находящимися под таможенным контролем, без разрешения или уведомления таможенного органа) и др.

Первый Таможенный кодекс СССР 1928 г. возлагает на таможенные органы контроль за выполнением постановлений высших органов власти о государственной монополии внешней торговли, взиманием таможенных сборов и осуществлением всех других таможенных операций⁶. Он устанавливает порядок разработки таможенной политики, ориентирует таможенные органы на правовое обоснование таможенных операций, форм и методов таможенного контроля, а также регулирует вопросы ответственности за нарушения таможенных правил⁷.

В период Великой Отечественной войны на таможни были возложены важные обязанности по контролю грузов, поступающих по ленд-лизу и по линии Международного Красного Креста. В этот период контрольная функция советской таможни — доминирующая.

В 60-е г. XX века таможенный контроль усложняется и дифференцируется на ряд видов: «таможенный контроль за грузами»,

«таможенный контроль в морских портах, на железнодорожных станциях, в аэропортах, в речных портах и на шоссейных дорогах», «таможенный контроль за предметами валюты и валютными ценностями, перевозимыми отдельными лицами», «таможенный контроль за грузами и предметами дипломатических представительств и дипломатов, а также дипломатической почтой», «таможенный контроль за международными почтовыми отправлениями»⁸. Он также выступает отражением и инструментом защиты государственной монополии внешней торговли.

Таможенный кодекс СССР 1964 г. устанавливал, что таможенные учреждения производят досмотр грузов для установления законности их перемещения через государственную границу СССР, определения тарифного наименования, цены, количества и в подлежащих случаях качества⁹. Значение данного документа в развитии таможенного контроля как функции таможенных органов в том, что он вводит обязательное закрепление результатов досмотра в письменной форме — так называемая досмотровая роспись, которая послужила родоначальницей современного акта таможенного досмотра¹⁰. Таким образом, регламентируется и закрепляется документальная фиксация результатов контрольной деятельности таможенных органов.

Советскую таможенную службу в этот период Ю.Г. Кисловский называет «контролером»¹¹, А.Н. Козырин — «чемоданной»¹², другие ученые свидетельствуют об упрощении системы организации таможенного дела в связи с падением числа субъектов экспортно-импортных операций, уменьшением оборота международного пассажирского сообщения¹³.

⁸ Кисловский Ю.Г. История таможни государства Российского. М.: Автор, 1995. С. 170–171.

⁹ Таможенный кодекс Союза ССР: Офиц. текст: утв. 05.05.1964 / М-во внешней торговли СССР. Глав. таможенное упр. М.: Юрид. лит., 1965. 35 с.

¹⁰ Погодина Н.А. Таможенный досмотр товаров и транспортных средств как форма таможенного контроля: правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 61–62.

¹¹ Кисловский Ю.Г. История таможенного дела и таможенной политики России. 3-е изд., доп. / под общ. ред. А.Е. Жерихова. М.: РУСИНА-ПРЕСС, 2004. С. 54.

¹² Козырин А.Н. Правовое регулирование таможенно-тарифного механизма: сравнит.- правовое исслед.: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02. М., 1994. С. 3.

¹³ Бакаева О.Ю. Правовое регулирование финансовой деятельности таможенных органов Российской

⁵ Таможенный Устав СССР 1924 года // СЗ СССР. 1925. № 5. С. 53.

⁶ Таможенный кодекс Союза ССР: утв. постановлением ЦИК и СНК СССР от 19-го дек. 1928 г.: доп. действующими тамож. постановлениями, правилами к ним и другими распоряжениями, относящимися к тамож. операциям / Глав. тамож. упр. Министерства внешней торговли СССР. М.: Междунар. кн. тип. № 2 Упр. изд-в и полиграфии Ленгорисполкома, 1946.

⁷ Гречкина О.В. Административная юрисдикция таможенных органов Российской Федерации: теоретико-прикладное исследование: дис. ... докт. юрид. наук. Челябинск, 2011. С. 36.

В этот период появляются первые исследователи таможенного права, которые относят данную совокупность норм к административной отрасли советского права. В.Г. Храбсков полагает, что поскольку эти (таможенные. — С.А.) отношения складываются в процессе управления, то они регулируются нормами административного права¹⁴. Данную позицию поддерживают А.Н. Марков¹⁵ и К.К. Сандровский; причем последний говорит о таможенном праве как о «совокупности норм, касающихся таможенного контроля»¹⁶.

Распад СССР, характер развития внешнеэкономических связей, переориентация таможенного дела с пассажиров на внешнеэкономическую деятельность требовали срочного расширения и совершенствования структуры таможенных органов¹⁷.

90-е гг. XX века отмечены усилением частно-правовых тенденций в регулировании экономики. Это закономерно, так как в течение 70 лет до этого она регулировалась публично-правовыми методами, в которых доминировали командно-административные.

А.Н. Козырин справедливо отмечает, что по мере совершенствования хозяйственных отношений, развития экономического сотрудничества России с зарубежными странами в определении таможенного права стали постепенно отказываться от его отождествления с правовым регулированием таможенного контроля¹⁸.

Политика перестройки и гласности, экономические реформы требовали новых законодательных и организационных подходов в таможенной политике. В 1991 г. был принят Таможенный кодекс СССР 1991 г., который действовал два года. Следует согласиться с мнением ученых о том, что с его принятием таможенное законодатель-

ство стало обретать черты целостности и системности как в плане унификации таможенных процедур, так и использования опыта международных таможенных служб. В новом таможенном законодательстве значительное место и роль заняли административно-процессуальные нормы¹⁹.

Таможенный контроль согласно Таможенному кодексу СССР 1991 г. производится путем проверки документов, таможенного досмотра, учета предметов, таможенного обеспечения²⁰.

Таможенный кодекс РФ 1993 г. (ТК РФ 1993 г.) явился первым кодифицированным актом российского таможенного законодательства после распада СССР. Разработанный в условиях либерализации внешней торговли и формирования рыночных механизмов в экономике он явился важным этапом развития правового регулирования таможенного контроля. Тенденция административно-процессуальной регламентации таможенных процедур нашла в его положениях дальнейшее развитие.

Согласно статье первой Таможенного кодекса РФ 1993 г. таможенный контроль выступал как одно из средств проведения таможенной политики в жизнь.

В статье 10 ТК РФ 1993 г. среди основных функций таможенных органов называлось осуществление и совершенствование таможенного контроля и таможенного оформления, а также осуществление иных видов контроля: контроля за вывозом стратегических и других жизненно важных для интересов Российской Федерации материалов (экспортный контроль) и валютного контроля.

Согласно статье 180 ТК РФ 1993 г. таможенный контроль проводится должностными лицами таможенных органов РФ путем проверки документов и сведений, необходимых для таможенных целей; таможенного досмотра (досмотра товаров и транспортных средств, личного досмотра как исключительной формы таможенного контроля); учета товаров и транспортных средств; устного опроса физических лиц и должностных лиц; проверки системы учета и отчетности; осмотра территорий и помещений складов временного хранения,

Федерации : дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 41.

¹⁴ Храбсков В.Г. Таможня и закон. М. : Юрид. литература, 1979. С. 5.

¹⁵ Марков А.Н. Таможенное право СССР : учеб. пособие / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Иркут. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Юрид. фак. гос. права и сов. стр-ва. Иркутск, 1973. 51 с.

¹⁶ Сандровский К.К. Таможенное право. Киев, 1974. С. 18.

¹⁷ Управление таможенным делом : учебное пособие / В.В. Макрусев, В.А. Черных, В.Т. Тимофеев, А.Ф. Андреев и др.; под общей ред. В.В. Макрусева и В.А. Черных. СПб. : Троицкий мост, 2012. С. 121.

¹⁸ Козырин А.Н. Правовое регулирование таможенно-тарифного механизма: сравнит.- правовое исслед. : дис. ... докт. юрид. наук. М., 1994. С. 23.

¹⁹ Гречкина О.В. Административная юрисдикция таможенных органов Российской Федерации: теоретико-прикладное исследование : дис. ... докт. юрид. наук. Челябинск, 2011. С. 42.

²⁰ Комментарий к Таможенному кодексу СССР и Закону СССР о таможенном тарифе. Свердловск : Хоз. товарищество «Акцепт», 1991. 118 с.

таможенных складов, свободных складов, свободных таможенных зон и магазинов беспошлинной торговли и других мест, где могут находиться товары и транспортные средства, подлежащие таможенному контролю, либо осуществляется деятельность, контроль за которой возложен на таможенные органы РФ; в других формах, предусмотренных настоящим Кодексом и иными актами законодательства РФ по таможенному делу либо не противоречащих законодательным актам РФ²¹. Таким образом, законодатель оставляет перечень форм таможенного контроля открытым.

ТК РФ 1993 г. действовал более десяти лет и явился базой для развития рыночных тенденций в экономической жизни страны, для становления внешнеэкономического потенциала обновленной России. Вместе с Законом РФ «О таможенном тарифе» он стал основой возрождения таможенно-тарифных механизмов регулирования внешней торговли. Ученые неоднократно подчеркивали его значение и прогрессивный характер, в особенности применительно к регламентации административной ответственности за нарушения таможенных правил²².

²¹ Российская газета. 1993. 21 июля.

²² Таможенное право : учебное пособие / под ред. В.Г. Драганова, М.М. Рассолова. М. : ЮНИТИ-ДА-

Таким образом, в советский период таможенные органы осуществляют контроль за исполнением государственной монополии внешней торговли, которая фактически свела на нет механизмы таможенно-тарифного регулирования. Контрольно-надзорные функции таможенного ведомства в этот период ограничивались контролем за перемещением физических лиц. Вся деятельность таможенных органов отождествлялась с таможенным контролем.

С середины 80-х г. прошлого века функции таможни трансформируются под влиянием политических и социально-экономических процессов в стране. Новое таможенное законодательство начала 90-х г., образование Государственного таможенного комитета позиционируют таможенное ведомство как правоохранительный и контрольный орган, стоящий на страже экономической безопасности государства.

НА, 2001. С. 398 ; Панова И.В. Административный процесс в Российской Федерации: понятие, принципы и виды // Правоведение. 2000. № 2. С. 120 ; Гречкина О.В. Административная юрисдикция таможенных органов Российской Федерации: теоретико-прикладное исследование : дис. ... докт. юрид. наук. Челябинск, 2011. С. 46–47.

Литература

1. Бакаева О.Ю. Правовое регулирование финансовой деятельности таможенных органов Российской Федерации : дис. ... докт. юрид. наук / О.Ю. Бакаева. Саратов, 2005. 482 с.
2. Гречкина О.В. Административная юрисдикция таможенных органов Российской Федерации: теоретико-прикладное исследование : дис. ... докт. юрид. наук / О.В. Гречкина. Челябинск, 2011. 384 с.
3. Кисловский Ю.Г. История таможенного дела и таможенной политики России. 3-е изд., доп. / Ю.Г. Кисловский; под общ. ред. А.Е. Жерихова. М. : РУСИНА-ПРЕСС, 2004. 592 с.
4. Кисловский Ю.Г. История таможни государства Российского / Ю.Г. Кисловский. М. : Автор, 1995. 288 с.
5. Козырин А.Н. Правовое регулирование таможенно-тарифного механизма: сравнит.-правовое исслед. : дис. ... докт. юрид. наук / А.Н. Козырин. М., 1994. 404 с.
6. Комментарий к Таможенному кодексу СССР и Закону СССР о таможенном тарифе. Свердловск : Хоз. товарищество «Акцепт», 1991.
7. Марков А.Н. Таможенное право СССР : учеб. пособие / А.Н. Марков. М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Иркут. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Юрид. фак. гос. права и сов. стр-ва. Иркутск, 1973. 51 с.
8. Панова И.В. Административный процесс в Российской Федерации: понятие, принципы и виды / И.В. Панова // Правоведение. 2000. № 2. С. 114–127.
9. Погодина Н.А. Таможенный досмотр товаров и транспортных средств как форма таможенного контроля: правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Погодина. Саратов, 2010. 203 с.
10. Сандровский К.К. Таможенное право / К.К. Сандровский. Киев, 1974. 176 с.
11. Таможенное право : учебное пособие / под ред. В.Г. Драганова, М.М. Рассолова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 639 с.
12. Управление таможенным делом : учебное пособие / В.В. Макрусев, В.А. Черных, В.Т. Тимофеев, А.Ф. Андреев и др.; под общей ред. В.В. Макрусева и В.А. Черных. СПб. : Троицкий мост, 2012. 448 с.
13. Храбсков В.Г. Таможня и закон. М. : Юрид. литература, 1979. 128 с.

Регулирование производства и распространения алкогольной продукции в ханствах Средней Азии под российским протекторатом

*Почекаев Роман Юлианович,
заведующий кафедрой теории и истории
права и государства Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург),
кандидат юридических наук, доцент
ropot@mail.ru*

Статья посвящена правовому регулированию производства и продажи алкоголя в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате в конце XIX — начале XX в. Анализируется имперское законодательство, регламентирующее эту деятельность, и его применение на практике. Автор приходит к выводу, что данный аспект деятельности Российской империи в Бухарском эмирате, несмотря на его специфику, являлся частью имперской правовой политики в среднеазиатских протекторатах и способствовал достижению общей цели — укреплению российского контроля над Хивой и Бухарой, распространению на них имперского законодательства.

Ключевые слова: Российская империя, Бухарский эмират, Хивинское ханство, регулирование продажи спиртных напитков, имперское законодательство, протекторат.

Regulation of Production and Circulation of Alcohol Products in Khanates of Central Asia under Russian Protectorate

*Pochekaev Roman Yu.,
Head of the Department of Theory and History of Law and State
of the National Research University "Higher School of Economics" (Saint Petersburg),
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

Article devoted to legal regulation of manufacturing and distribution of alcohol in the Khivan Khanate and Bukharan Emirate of the end of the 19th — beginning of the 20th c. The imperial legislation on this matter is analyzed as well as its realization. Author finds that this aspect was rather specific but at the same time was an integral part of the imperial legal policy in the Central Asian protectorates and was aimed to strengthen Russian control over Bukhara and Khiva, extend Russian legislation on them.

Key words: Russian Empire, Bukharan Emirate, Khivan Khanate, legal regulation of production of alcohol, imperial legislation, protectorate.

Установив протекторат над Бухарским эмиратом и Хивинским ханством, Российская империя создала себе некоторые правовые барьеры для прямого вмешательства в дела этих среднеазиатских государств. В связи с этим имперским властям понадобились инструменты для осуществления «косвенного управления» в Бухаре и Хиве, которые позволили бы производить некоторые правовые изменения в ханствах, укреплять контроль России над ними — но при этом без формального вмешательства в их внутренние дела. Со временем власти Российской империи научились ис-

пользовать в своих интересах даже те факторы, которые изначально, казалось бы, препятствовали достижению этой цели — в частности, сильные позиции ислама и мусульманского духовенства в Бухаре и Хиве.

Одним из ярких примеров использования этого фактора стала политика Российской империи по вопросу производства и распространения алкоголя в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. В настоящей статье анализируется правовое регулирование этой сферы и практическая реализация нормативных предписаний в контек-

сте общей имперской правовой политики в среднеазиатских протекторатах.

Первые шаги в правовом регулировании производства и распространения алкогольной продукции были предприняты имперскими властями в Хивинском ханстве. Уже в ноябре 1874 г. начальник Амударьинского военного отдела полковник Н.А. Иванов направил письмо хивинскому хану Мухаммад-Рахиму II, в котором просил хана запретить изготовление водки в хивинских владениях¹. И хотя сам представитель имперской администрации ссылался на то, что «употребление и возделывание водки магометанам воспрещено Богом», т.е. на запрет производства и потребления алкогольной продукции нормами шариата, в письме фигурировала и реальная причина этой просьбы: «До сведения моего дошло, что в Хиве выдывается водка и водка эта переводится контрабандно на русский правый берег».

Этот документ положил начало формированию российской политики в вопросе регулирования производства и распространения спиртных напитков в среднеазиатских протекторатах Российской империи, и его анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, поначалу имперские власти скрупулезно соблюдали номинальный статус протекторатов как юридически независимых государств и реализовали свою политику в рассматриваемой сфере путем переписки с местными правителями как суверенными государями — в виде «просьб» им (другое дело, что цитированное письмо было направлено всего лишь спустя год после Хивинского похода 1873 г. и, конечно же, «просьба» в глазах покоренного хивинского хана фактически носила характер приказа). Во-вторых, официальным предлогом для запрета и реализации алкоголя стала принадлежность среднеазиатских ханств к миру ислама, и этот запрет находился в полном соответствии с предписаниями шариата². Наконец, в-третьих, реальной причиной подобных «просьб»

являлась не забота о соблюдении норм и принципов мусульманского права местным населением, а борьба с контрабандой алкоголя, поставляемого в русские владения в Средней Азии. В результате в Хиве производство и потребление алкогольной продукции местным населением было прекращено, и только в начале XX в. в ханство стали поступать спиртные напитки российского производства — для потребления жившими там русскими и выходцами из западных стран (правда, ввозились они в довольно незначительном количестве: например, за 1907–1909 гг. было ввезено 6 тыс. пудов)³.

Что касается Бухарского эмирата, отношения с которыми в это время строились на позиции силы (как с Хивинским ханством), то разработка правовой базы по регулированию в нем производства и распространения алкоголя относится уже к более позднему периоду — концу 1880-х гг. Полагая, что это не случайно, поскольку именно в это время российские власти вплотную занялись проблемой регулирования производства и продажи спиртного и борьбой с пьянством и в собственных владениях. В качестве наиболее яркого примера приводится введение государственной питейной монополии конца XIX в. по инициативе министра финансов С.Ю. Витте одновременно с попытками повысить «культуру питья»⁴. В то же время стали приниматься и первые меры борьбы с производством некачественного алкоголя, подделками дешевых отечественных вин под дороговастые иностранные⁵.

Впрочем, нельзя не отметить, что имперская политика в этой сфере носила довольно противоречивый характер — особенно на «национальных окраинах». Например, в Бурятии еще в конце XVIII в. был установлен запрет на потребление спиртного местным населением в возрасте до 40 лет, в середине XIX в. принима-

выдающихся поэтов (Омара Хайяма, Хафиза, Бабур и др.), воспевающие вино и винопитие.

¹ О возделывании водки в Хиве (усл.). Туркестанский военный округ, начальник Амударьинского отдела. Отделение судное. 4 ноября 1874 г., № 420. Электронная версия с сайта проекта «Зеркала» (Zerrspiegel): zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de

³ Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI — начале XX в. СПб., 2010. С. 259.

² При этом нельзя не отметить, что в Иране и Средней Азии даже в Средние века к запрету на потребление алкоголя мусульмане относились куда менее сурово, чем в странах Арабского Востока, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные произведения

⁴ Апарышев И.В. История государственного регулирования алкогольного рынка в России // История государства и права. 2012. № 19. С. 39.

⁵ Жолобова Г.А. Первый правовой опыт борьбы с фальсификацией виноградного вина в России на рубеже XIX–XX вв. // История государства и права. 2014. № 14. С. 3–7.

лись положения о запрете продажи алкоголя в ряде бурятских селений. Однако к 1870–1880-м гг. стали поднимать вопрос о том, что подобные запреты влекут значительные потери для государственной казны, поэтому в конце XIX — начале XX в. в Бурятии стали появляться питейные заведения — при сохранении, правда, ряда ранее введенных ограничений⁶.

Однако буряты не были мусульманами, и законодательные ограничения потребления ими алкоголя не были связаны с религиозными запретами. Несколько иная ситуация складывалась в Русском Туркестане, где преобладающая часть населения исповедовала ислам. Руководствуясь теми же соображениями, что и в Бурятии — увеличением доходов казны — император Александр III 14 июля 1887 г. утвердил мнение Госсовета «Об установлении для Туркестанского края особых правил открытия питейных заведений», согласно которым такое открытие разрешалось в городах думами, а вне городов — уездными начальниками, чьи решения затем утверждались военными губернаторами областей; открытие же винокуренных заводов разрешалось на общих основаниях, т.е. в соответствии с Уставом о питейном сборе⁷. То есть, с одной стороны, производство и особенно потребление алкоголя в Туркестане разрешалось, но именно местная администрация должна была принимать меры к тому, чтобы это не обострило отношений с мусульманским духовенством и жителями, исповедовавшими ислам.

Полагаем, принятие утвержденного мнения Госсовета объясняется «лоббированием» со стороны туркестанских виноделов, среди которых были весьма состоятельные и влиятельные лица — например, самаркандский винодел Д.Л. Филатов, в конце 1880-х гг. производивший в год до 16 000 ведер различных вин (из собственного винограда) и снискавший одобрение самого императора⁸. Естественно, Филатову и его коллегам не нужны были конкуренты со стороны среднеазиатских ханств,

в частности — Бухары. Вероятно, именно с этим связано то, что 25 июня 1889 г. появилось сразу несколько нормативных актов о производстве и распространении алкогольной продукции в Бухаре: высочайше утвержденные «Правила о торговле крепкими напитками в Бухарском ханстве», утвержденные туркестанским генерал-губернатором «Правила о числе, роде и распределении мест торговли крепкими напитками и о порядке выдачи разрешений на открытие означенных мест торговли» и им же утвержденные «Правила о виноделии в Бухарском ханстве»⁹.

Согласно «Правилам о торговле...», отныне торговля алкогольными напитками в Бухаре разрешалась только на территории русских поселений, а также при железнодорожных станциях и русских воинских частях на территории эмирата, причем осуществлять ее могли только русские подданные, тогда как местное население такого права лишалось (п. 2–4). Также не разрешалось создание бухарцами заводов по производству любых видов спиртного — вина, водки, меда и пр. (п. 5, 11). На торговцев алкогольной продукцией в Бухарском эмирате распространялись все налоги и сборы, предусмотренные Уставом о питейном сборе (п. 7).

«Правила о числе...» подтверждали монопольное право русских подданных на открытие мест торговли алкоголем (п. 1), а также запрещали продавать его «на вынос» (п. 3, 5): тем самым ограничивались возможности приобретения спиртных напитков местными жителями мусульманского вероисповедания.

«Правила о виноделии...» в очередной раз закрепляли право производства алкоголя за русскими подданными на специальных заводах, созданных и зарегистрированных в предусмотренном законом порядке (п. 1–2). При этом разрешение на производство спиртной продукции выдавалось на определенный срок, и его следовало продлевать для продолжения производственной деятельности (п. 5). Если же винокуренный завод действовал не на территории русских поселений, а непосредственно во владениях бухарского эмира, его продукцию следовало доставлять на

⁶ Жалсанова Б. Опыт борьбы с пьянством в бурятских ведомствах в XIX — начале XX в. // Власть. 2013. № 10. С. 169–171.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. VII. СПб., 1889. № 4519. С. 268–269.

⁸ Назарьян Р. «Поставить виноделие на должную степень совершенства...» О самаркандском виноделе Дмитрие Филатове // Восток Свыше. Вып. XXX. Ташкент, 2013. С. 103–104.

⁹ Логофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909. С. 225–234; см. также: Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 191–194.

склад в одном из русских поселений и реализовывать ее оттуда (п. 7).

Анализ упомянутых правил позволяет сделать вывод, что политика Российской империи по поводу производства и распространения алкоголя в Бухарском эмирате носила двойственный характер. С одной стороны (как и в случае с письмом начальника Амударьинского отдела хивинскому хану), власти демонстрировали признание суверенитета бухарского эмира и взаимодействие с ним как с субъектом международного права: в «Правилах о торговле» оговаривалось, что торговля алкоголем в Бухаре разрешается «либо по особому соглашению между русским и бухарским правительствами» (п. 1), за эмиром закреплялось право взимания с торговцев спиртными напитками торговой пошлины (закета) в размере 2,5% от стоимости (п. 8).

С другой стороны, нельзя не обратить внимания, что вышеприведенные правила являлись «внутренними» правовыми актами Российской империи и утверждались императором и туркестанским генерал-губернатором — каких-либо отдельных соглашений с эмиром для введения их в действие не требовалось¹⁰. Таким образом, фактически речь идет о распространении имперского законодательства на территорию формально независимого государства — Бухарского эмирата. Также обращает на себя внимание то, что взыскания, предусмотренные за нарушения указанных «Правил о торговле» (равно как и Устава о питейном сборе, на который они ссылаются), распространяются не только на русских подданных, но и на всех нарушителей на территории эмирата (п. 12–14). Таким образом, российские власти получили право привлекать к ответственности также и юридически не подвластное им бухарское население!

Согласно запискам Н.В. Чарыкова, первого русского политического агента в Бухарском эмирате (1886–1890), именно ему

принадлежала инициатива разработки этих правил: его целью было сделать Бухару «сухой» — запретить «изготовление и продажу всех видов хмельных напитков в Бухарском ханстве, а также... продажу таковых всем туземцам на железнодорожных станциях». При этом Чарыков отмечает, что когда министр финансов И.А. Вышнеградский получил его проект, он заявил, что «прежде в России никогда не издавался подобный закон», но его заместитель В.Н. Коковцов (однокашник Чарыкова) убедил министра, что «в таких исключительных случаях» можно сделать исключение¹¹. Естественно, речь шла не о строгой регламентации производства и продажи алкоголя: такие правовые акты неоднократно принимались в Российской империи в XVIII–XIX вв.¹², а именно о распространении внутренних правил на территорию формально независимой Бухары.

Надо отметить, впрочем, что цель, поставленная Н.В. Чарыковым, была в значительной степени достигнута. Иностранцы, посещавшие Бухару на рубеже XIX–XX вв., отмечали, что в ней нет пьяных — в отличие от Русского Туркестана, где правила производства и продажи алкоголя не были такими строгими¹³. Благие намерения политического агента, позволявшие бухарцам более тщательно соблюдать предписания шариата, однако, как мы уже отмечали выше, в значительной степени совпадали с интересами русских производителей и продавцов алкогольной продукции.

Всеми преимуществами давней и развитой виноградской и винодельческой традиции на территории Бухарского эмирата пользовались российские подданные, среди которых, впрочем, были не только русские, но и армяне, грузины, ногайцы и др. представители немусульманского вероисповедания. В Новой Бухаре действовал крупный винокуренный завод купца Бахтадзе и несколько мелких «кустарных» предприятий, в Каракуле — заводы гене-

¹⁰ Д.Н. Логофет, впрочем, отмечает, что требовалось «исходатайствовать у бухарских эмиров разрешение на производство винокурения в Бухарском ханстве без права продажи спирта мусульманам». См.: Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. I. СПб., 1911. С. 278. Однако никаких специальных соглашений по этому вопросу между Россией и Бухарой (как это было, например, при строительстве железной дороги в бухарских пределах, включении Бухары в таможенную черту Российской империи и пр.) не подписывалось.

¹¹ Чарыков Н.В. Беглый взгляд на высокую политику / пер. а.англ. Л.А. Пуховой. М., 2016. С. 153–154.

¹² См., напр.: Долгих Е.В. К истории повседневности: очерк потребления спиртных напитков в России (конец XV в. — 1936 г.) // Вестник Московского университета. Серия 08. История. 2015. № 5. С. 23–35.

¹³ См., напр.: Olufsen O. The emir of Bokhara and his country. Journeys and studies in Bokhara (with a chapter of my voyage on the Amu Darya to Khiva). London, 1911. P. 392.

рала Анненкова и Джигадзе, в Якатуте — Вачилова и Артюнова и т.д.¹⁴

Со временем право производить вино на территории русских поселений получили также француз Моро (приобретший завод Анненкова в Каракуле) и бухарские евреи, но первому позволялось торговать ими только на территории русских поселений (без права экспорта), вторые же вообще получили право изготавливать их для собственного потребления¹⁵. Русские же производители вывозили свою продукцию как в среднеазиатские владения России, так и для внешней торговли (через Баку): если в 1892 г. было экспортировано 3 200 пудов, то в 1896 — уже 14 500 пудов¹⁶. Однако по мере увеличения числа жителей русских поселений их потребности в потреблении алкогольной продукции стали существенно возрастать. И уже в 1911–1913 гг. не только перестал вывозиться алкоголь бухар-

ского производства, но и ввозилось большое количество вина (26 000 пудов) и пива (157 900 пудов) из России¹⁷. Таким образом, основная цель введения вышеупомянутых правил — защита интересов отечественных торговцев спиртным — к началу XX в. утратила актуальность, однако они продолжали действовать.

Соответственно, можно сделать вывод, что правовое регулирование даже в такой специфической сфере как производство и распространение алкоголя в Бухаре и Хиве органично вписывалось в правовую политику Российской империи в среднеазиатских протекторатах, усиливая российский контроль над местными властями и населением и постепенно приобщая бухарцев к имперским правовым принципам, что, в конечном счете, должно было способствовать со временем полной интеграции Бухары и Хивы в имперское политико-правовое и экономическое пространство.

¹⁴ Баллас М. Виноделие в России. Ч. VI. Азиатская Россия (Туркестан). СПб., 1903. С. 52–54; Г.Б. Наши колонии. Новая Бухара // Нива. 1899. № 13. С. 254.

¹⁵ Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. С. 280; Olufsen O. The emir of Bokhara and his country. P. 500.

¹⁶ Баллас М. Виноделие в России. С. 55.

¹⁷ Ремез И.А. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Опыт историко-статистического обзора внешней торговли ханства вне сферы таможенного объединения с Российской империей. Ташкент, 1922. С. 59.

Литература

1. Апарышев И.В. История государственного регулирования алкогольного рынка в России / И.В. Апарышев // История государства и права. 2012. № 19. С. 38–40.
2. Баллас М. Виноделие в России. Ч. VI. Азиатская Россия (Туркестан) / М. Баллас. СПб., 1903. 246 с.
3. Г.Б. Наши колонии. Новая Бухара // Нива. 1899. № 13. С. 254–256.
4. Долгих Е.В. К истории повседневности: очерк потребления спиртных напитков в России (конец XV в. — 1936 г.) / Е.В. Долгих // Вестник Московского университета. Серия 08. История. 2015. № 5. С. 14–63.
5. Жалсанова Б. Опыт борьбы с пьянством в бурятских ведомствах в XIX — начале XX в. / Б. Жалсанова // Власть. 2013. № 10. С. 168–171.
6. Жолобова Г.А. Первый правовой опыт борьбы с фальсификацией виноградного вина в России на рубеже XIX–XX вв. / Г.А. Жолобова // История государства и права. 2014. № 14. С. 3–7.
7. Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие / С.В. Жуковский. Пг., 1915. 225 с.
8. Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом / Д.Н. Логофет. Т. I. СПб., 1911. 340 с.
9. Логофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние / Д.Н. Логофет. СПб., 1909. 240 с.
10. Назарьян Р. «Поставить виноделие на должную степень совершенства...» О самаркандском виноделе Дмитриии Филатове / Р. Назарьян // Восток Свыше. Вып. XXX. Ташкент, 2013. С. 100–108.
11. Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI — начале XX в. / М. Ниязатов. СПб., 2010. 496 с.
12. О возделывании водки в Хиве (усл.). Туркестанский военный округ, начальник Амударьинского отдела. Отделение судное. 4 ноября 1874 г., № 420. Электронная версия с сайта проекта «Зеркала» (Zerrspiegel): zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. VII. СПб., 1889. 1158 с.
14. Ремез И.А. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Опыт историко-статистического обзора внешней торговли ханства вне сферы таможенного объединения с Российской империей / И.А. Ремез. Ташкент, 1922. 84 с.
15. Чарыков Н.В. Беглый взгляд на высокую политику / Н.В. Чарыков; пер. а.англ. Л.А. Пуховой. М., 2016. 416 с.
16. Olufsen O. The emir of Bokhara and his country. Journeys and studies in Bokhara (with a chapter of my voyage on the Amu Darya to Khiva) / O. Olufsen. London, 1911. 324 p.

Имущественные отношения, регулируемые феодальным правом калмыков в XVII–XVIII вв.

*Буринов Артур Михайлович,
доцент кафедры философии
Калмыцкого государственного
университета имени Б.Б. Городовикова,
кандидат философских наук
buriart2010@mail.ru*

*Буринова Лидия Дадуовна,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Калмыцкого государственного
университета имени Б.Б. Городовикова,
кандидат юридических наук
burinova08@mail.ru*

В статье анализируются гражданско-правовые нормы памятников феодального права калмыков — Ики Цааджин Бичик и Токтолы Дондук-Даши.

Ключевые слова: феодальное право, долговые обязательства, возмещение вреда, кража.

Property Relations Regulated by Kalmyk Feudal Law in XVII–XVIII Centuries

*Burinov Artur M.,
Assistant Professor of the Department of Philosophy
of the Kalmyk State University,
Candidate of Philosophical Sciences*

*Burinova Lidia D.,
Assistant Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Kalmyk State University,
Candidate of Legal Sciences*

The article analyzes the civil law rights of the Kalmyk feudal monuments — Ika Tsaadzhin Bichik monument and Toktoly Donduk-Dashi monument.

Key words: feudal law, liabilities, indemnification, theft.

В 1640 г. на съезде калмыцких (ойратских) ханов в предгорьях Тарбагатайского горного хребта был принят общекалмыцкий (ойратский) свод законов «Ики Цааджин Бичик»¹, который институализировал единое правовое пространство от Кавказа до границ Индии. «Великое Степное уложение» можно рассматривать как своеобразный мирный договор, подводящий итог прошлым халхо-ойратским войнам. Величайшая империя кочевников извест-

на сейчас в истории под названием Джунгарское ханство. Современные Калмыкия, Алтай, Бурятия, Тува и Хакасия являются фактически осколками этого протогосударства². Авторы свода законов проявили заинтересованность в аннулировании старых споров и взаимных претензий, расчистив таким образом почву для новых, добрососедских и даже союзнических отношений между феодалами Халхи и Джунгарии. Ос-

¹ Традиционно переводится на русский как «Великое Степное Уложение».

² Буринова Л.Д. Об истоках представительства в Калмыкии // История государства и права. 2013. № 9. С. 17.

новой законодательной системы здесь явилась Великая Яса Чингисхана. Принятый в 1206 г. акт волеизъявления монгольского хагана содержал публично-правовые нормы, направленные на защиту интересов Монгольского государства. Основополагающий характер этого документа выражался в том, что все последующие акты не отменяли действие Ясы, а вносили дополнения и изменения в ее нормативное содержание.

Другой основой данного нормативного акта стали обычаи калмыцкого народа. Особую роль правового обычая в правовой культуре общества отмечают А.М. Васильев, Н.М. Михайленко. По их мнению, правовой обычай является частью социального механизма, способом социального управления, формирования общественных отношений и придания им стабильности³.

Обычное этническое право осуществляло свою охранительную функцию с помощью обычно-правовых норм, имеющих не только свою особенность, но и часто функционировавших в синтезе с иными социальными нормами. Она обеспечивала охрану общезначимых, важных общественных отношений, особым способом воздействуя на поведение членов социума и влияя на их волю путем установления запретов (табу), угрожающих санкциями, если не со стороны общинных органов, так со стороны «духов»⁴.

Третьим источником считаются постановления калмыцких князей. Но, по мнению И.Ч. Аксенова, важнейшим источником монголо-ойратского устава 1640 г. являлось каноническое (буддийское) право. Это было результатом влияния новых религиозных воззрений монголов со времени признания ими ламаистского буддизма господствующей религией с конца XVI века⁵. Таким образом, создание «Ики Цааджин Бичик» в 1640 г. было вызвано, помимо других причин, также потребностью приспособить общественный быт монголов к догмам и требованиям новой

религии. К важнейшим внешнеполитическим событиям, на фоне которых составлялся Цааджин Бичиг, следует отнести маньчжурскую агрессию против Южной Монголии. Материалы законов говорят о появлении и активизации в Джунгарии деятелей, думающих о необходимости укрепления единства монголо-ойратских племен⁶.

Не менее значимым памятником феодального права калмыков являются Токтолы Дондук Даши, датирующиеся серединой XVIII столетия. В 1698 г., во время правления хана Аюки, произошел разрыв волжских калмыков с Джунгарией. Образовалось самостоятельное Калмыцкое ханство. После смерти Аюки Калмыцкое ханство попадает в зависимость от России.

В этот исторический период калмыки, находясь в пределах России, оказались втянутыми в ее экономическую жизнь. Калмыки вели интенсивную торговлю с русским населением продуктами скотоводческого хозяйства, поставляли лошадей для русской армии, приобретали у русских промышленников их изделия и продукты. В среду калмыцких улусов проникают товарно-денежные отношения. Эти изменения в экономических отношениях вызвали необходимость законодательного регулирования. Логика внутреннего развития калмыцкого общества продиктовала необходимость правовых реформ. Причины модернизации феодального права калмыков изложены Ф.И. Леонтовичем в «Истории калмыцких ханов»: ...поскольку у калмыков за время пребывания в России изменились нравы и привились многие хорошие и дурные качества, прежде не бывшие, то настояла надобность в новых постановлениях и законах, а потому Дондук-Даши признал необходимым написать новые законы (токтолы)⁷. Позднее эти законы стали называться Токтолы Дондук-Даши. Примерное время принятия Токтолов — середина XVIII в.

Анализ норм Цааджин Бичик и Токтолов Дондук-Даши раскрывает не только вопросы, связанные с преступлением и наказанием, но и общественные отношения гражданско-правового характера. Все

³ Васильев А.М., Михайленко Н.М. Роль правового обычая в правовой культуре общества (на примере Северного Кавказа) // История государства и права. 2015. № 16. С. 7.

⁴ Плоцкая О.А. Обычное этническое право у финно-угорских народов пермской подгруппы в исторических и правовых источниках // История государства и права. 2014. № 15. С. 53.

⁵ Аксенов И.Ч. Становление и развитие калмыцкой государственности и права в XVII–XIX вв.: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 7.

⁶ Сарангов Ц.А. Цааджин бичиг — кодекс феодального права калмыков XVII века / / Право и политика. 2007. № 5. С. 121.

⁷ Леонтович Ф.И. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик). М.: Книга по требованию, 2012. С. 26.

это дало Ф.И. Леонтовичу основание полагать, что в основе возникновения законов Чингисхана, калмыцкого закона лежит племенное обычное право и что это древнее кодифицированное обычное право монгольского племени, вошедшее в течение многих веков в плоть и кровь отдельных кочевых народцев и орд, рядом с правовыми обычаями, жившими в народе в виде стародавних местных верований и преданий⁸. Главным объектом имущественных отношений, регулируемых данными источниками, являлись вещи, деньги, работы и услуги, а также имущественные права. Изменения в традиционном праве и, как следствие, правосознании и правовой культуре наиболее коснулись гражданских правоотношений. Если нормы семейного и наследственного права отличались большой консервативностью и практически не изменились в течение исследуемого периода, сохраняя свою патриархальность (это свидетельствовало и о стабильности родового характера быта калмыков), то гражданские и земельные правоотношения в исследуемый период претерпели определенные изменения, особенно во второй половине XIX века, отмечает И.Ч. Аксенов⁹. В основном это коснулось правового регулирования договора займа, четко расписанного еще нормами «Цааджин-Бичик» и в дальнейшем подтвержденного Токтолами Дондук-Даши.

Основным видом хозяйственной деятельности калмыков в рассматриваемый период и главным источником их благосостояния было разведение скота. Количество различных групп скота, бывшее во владении конкретной семьи, определяло уровень ее зажиточности. Скот выступает главным объектом имущественных отношений. Особенностью регулирования обычным правом калмыков имущественных отношений является признание двух аспектов домашних животных (мал). Мал по обычному праву калмыков не только выступает как индивидуально-определенная вещь, но и одновременно является всеобщим эквивалентом. Право собственности на домашний скот занимает центральное место в обычном праве калмыков. Все основные правовые институты были связа-

ны со скотоводством. У калмыков выкупы, штрафы исчислялись количеством и качеством скота, обязательства заключались прежде всего по поводу отношений, связанных со скотоводческим хозяйством. Заключение брака сопровождалось уплатой выкупа в виде определенного количества и качества скота и т.д.

В процессе хозяйственной деятельности у калмыков возникали имущественные отношения, вытекающие из владения, пользования, распоряжения скотом, а также гражданско-правовые споры по поводу отчуждения скота, передачи его в долг, гибели по чьей-либо вине. Подобные случаи были распространены в кочевом быту калмыков, поэтому источники калмыцкого феодального права включали ряд норм, регулирующих данную сферу имущественных отношений.

В Цааджин Бичик и Токтолах Дондук-Даши зафиксирована довольно значительная группа норм гражданско-правового характера по возмещению материального ущерба от преступлений, компенсация за гибель людей и скота, например, от укусов собак, горных обвалов, охотничьих самострелов, поставленных на зверей, и т.д.¹⁰ Многочисленны обязательства материального вознаграждения лиц, совершивших конкретные виды общественно-полезных действий, как то тушение костра в покинутом кочевье, спасение скота, тонущего в болоте, спасение имущества во время пожара и другие общественно значимые действия.

Конечно, в источниках феодального права калмыков нет стройной системы правовых институтов. Ряд правовых норм, исходя из их содержания, могут быть отнесены к нормам семейно-брачного и наследственного законодательства, а также к нормам, отражавшим условия заключения и исполнения договоров займа, ответственности за неисполнение обязательств, возмещения причиненного вреда.

Так, разнообразны составы имущественных преступлений, связанных с причинением материального вреда потерпевшим. За совершение правонарушений в виде нападения на хотоны, аймаки с целью грабежа, кражи скота, предметов воинского снаряжения, бытового обихода и т.д. виновные несли не только уголовную

⁸ Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса : Тип. Г. Ульриха, 1879. С. 18.

⁹ Аксенов И.Ч. Указ. соч. С. 17.

¹⁰ Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков XVII–XIX веков. Элиста : АПП «Джангар», 1998. С. 189.

ответственность. На них возлагалась также обязанность возмещения материальных убытков.

Например, в соответствии с нормами Цааджин-Бичик в случае вооруженного набега на аймак, повлекшего грабежи и гибель людей, все имущество виновных в этом нападении подлежало конфискации. Половина конфискованного передавалась жителям потерпевшего аймака в возмещение материального ущерба, а другая часть распределялась между теми, кто защитил мирных жителей и возобновил мир и спокойствие в улусах:

«Если какой-либо человек, разрушив это правление (т.е. установленный порядок) побьет людей и разграбит большой аймак народа, то Монголы и ойраты должны соединиться и, оставивший только его самого (разорителя), все другое его (имущество) должны взять: одну половину отдать остающимся (от разорения), остальное разделить пополам»¹¹. Если нападение было совершено на «небольшой пограничный аймак», то потерпевшим возмещался только фактически причиненный ущерб.

Согласно Цааджин-Бичик в вопросах возмещения материального ущерба от краж скота устанавливался общий принцип восстановления нарушенных гражданских прав в натуре: «сколько украдено, столько мер и брать с вора; кто возьмет лишнее, то с вора половина пени»¹².

Однако по Токталам Дондук–Даши вводилась более строгая мера компенсации материального ущерба потерпевшему: «хозяину покраденного возместить вдвое, ему же барана для принесения в жертву огню»¹³. То есть вводился принцип кратности возмещения причиненного материального ущерба. Это объясняется тем, что кражи скота представляли в степи повышенную

общественную опасность и ущерб от них стал более чувствителен для скотоводов.

Представляют интерес и положения Цааджин-Бичик о безнадзорных животных. «О заблудившемся (бродячем скоте) следует объявить по прошествии трех суток и затем можно на нем ездить; кто не объявивши трех суток будет ездить (на таком скоте), с того хозяин скота имеет взять за то трехлетнюю кобылу; с положившего на ухах чужаго скота свою метку, имеет взять девяток, с остригшего имеет взять пять скотин, если же это будет сделано по объявлении, то в вину не ставится. Захвативший бродячий скот должен отдать его шуленге¹⁴... а кто не передаст, с того взять вдвойне. Если будут спрашивать (о таком скоте) и кто скроет, с того взять девяток. Кто (захваченный) бродячий скот передаст дальнему человеку, с тем должно быть поступлено по закону (о краже); кто передаст близкому человеку, с того взять три девятка»¹⁵. «Человек, державший у себя чей-либо бродячий скот, по прошествии года, имеет взять половину его приплода; приплод же родившийся после от его собственного верблюда, быка или жеребца, имеет взять сполна; за содержание одной или двух (скотин) не следует брать ничего, за содержание свыше десяти имеет взять две, а за содержание от двух до девяти скотин — одну»¹⁶.

Специальные правила, относящиеся к безнадзорным животным, объясняются тем, что феодальное право калмыков рассматривает их как особые объекты права, которые требуют заботы, ухода и гуманного отношения. При наличии вины в любой форме нашедший отвечает за гибель и порчу животного, тогда как ответственность за находку наступает только в случае умысла или грубой неосторожности. У лица, задержавшего безнадзорное животное, возникает обязанность объявления о находке в течение трех дней, передачи органам власти для содержания и поиска владельца скота, возвращения животного собственнику,

¹¹ Их цааз: Памятник монгольского феодального права XVII в. / Ойратский текст, транслитерация сводного ойратского текста, реконструированный монгольский текст и его транслитерация, перевод, введение и комментарии С.Д. Дылькова. М., 1981. С. 17.

¹² Цааджин-Бичик. Русский перевод Ф.А. Голстунского. Текст цит. по кн.: Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков XVII–XIX веков. Элиста: АПП «Джангар», 1998. С. 36.

¹³ Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года. Дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб., 1880. URL: https://www.directmedia.ru/book_104245_Mongolo_oiratskie_zakony_1640_goda

¹⁴ Шуленга (монг.), чиновник низш. звена упр-ния в Монголии и Джунгарском ханстве; бурят. или эвенк. князь, стоявший во главе племени или рода; сборщик податей; сотник. Институт Ш. у бурят и забайкал. эвенков был офиц. признан рус. властями // URL: <http://www.volgota.com/lib/terminologicheskii-slovar>

¹⁵ Текст цит. по кн.: Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков XVII–XIX веков. Элиста, 1998. С. 38.

¹⁶ Там же. С. 46.

право получения вознаграждения за содержание скота, дифференцированного в зависимости от величины затрат.

Ряд норм анализируемых источников посвящены долгвым обязательствам. «Относително долга (кредитор) должен заявить три раза при свидетелях и затем взять что-либо; при заявлении должен заявить шуленге; если не будет заявлено шуленге, то взять его (кредитора) лошадь. Если кредитор не объявивши, возьмет (у должника) что-либо днем, то долг его пропадает, если, не объявивши возьмет что-либо ночью, то штрафуется девятком (кроме лишения долгу)»¹⁷. Данная норма регулирует правовые взаимоотношения граждан. Удостоверением долгового обязательства являются свидетельские показания. Договор займа, заключенный без свидетелей, признавался недействительным, кредитор лишался права его требовать. Цааджин-Бичик предоставляет кредитору право самому взыскивать долг, если должник добровольно не возвращал его. Обращение взыскания возможно только при уведомлении представителя власти — шуленги, о том, что должник не возвращает долга и поэтому он (кредитор) приступает к обращению взыскания на его имущество. Нарушение данного по-

рядка влекло определенные материальные последствия, вплоть до лишения права требовать возврата долга и уплаты штрафа. То есть восстановление нарушенного гражданского права на истребование долга неразрывно связано с определенными процессуальными действиями, свидетельствующими о равенстве сторон обязательства, гласности, законности, и зависит от его неукоснительного соблюдения.

Таким образом, исследование правовых норм Ики Цааджин Бичик и Токтолов Дондук-Даши как исторических памятников калмыцкого феодального права дает нам интересный материал для познания общественного строя калмыков того исторического периода, об основах законотворческой деятельности, о первых попытках законодательного регулирования складывающихся общественных отношений. Данные источники представляют собой крупный шаг в развитии права, в которых достаточно подробно регламентируется гражданское материальное право и отношения собственности. В феодальном праве калмыков реализуется идея давно назревшей необходимости четкого правового нормирования всего многообразия общественных отношений — идея укрепления общественного порядка и законности.

¹⁷ Там же. С. 37.

Литература

1. Аксенов И.Ч. Становление и развитие калмыцкой государственности и права в XVII–XIX вв. : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / И.Ч. Аксенов. Ставрополь, 2004. 24 с.
2. Буринова Л.Д. Об истоках представительства в Калмыкии / Л.Д. Буринова // История государства и права. 2013. № 9. С. 17–19.
3. Васильев А.М. Роль правового обычая в правовой культуре общества (на примере Северного Кавказа) / А.М. Васильев, Н.М. Михайленко // История государства и права. 2015. № 16. С. 7–11.
4. Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года. Дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши / К.Ф. Голстунский. СПб., 1880 [Электронный ресурс]. URL: https://www.directmedia.ru/book_104245_Mongolo_oiratskie_zakony_1640_goda
5. Леонтович Ф.И. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик) / Ф.И. Леонтович. М. : Книга по Требованию, 2012. 274 с.
6. Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий / Ф.И. Леонтович. Одесса : Тип. Г. Ульриха, 1879. 290 с.
7. Памятник монгольского феодального права XVII в. / Ойратский текст, транслитерация сводного ойратского текста, реконструированный монгольский текст и его транслитерация, перевод, введение и комментарии С.Д. Дылыкова. М., 1981.
8. Плоцкая О.А. Обычное этническое право у финно-угорских народов пермской подгруппы в исторических и правовых источниках / О.А. Плоцкая // История государства и права. 2014. № 15. С. 53.
9. Сарангов Ц.А. «Цааджин бичиг» — кодекс феодального права калмыков XVII века / Ц.А. Сарангов // Право и политика. 2007. № 5. С. 121–131.
10. Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков XVII–XIX веков / В.С. Сергеев, Б.В. Сергеев. Элиста : АПП «Джангар». 1998. 221 с.

Практико-ориентированность истории государства и права

*Козюк Михаил Николаевич,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Волгоградского института управления —
филиала Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
tkozuk@yandex.ru*

Практико-ориентированность является одним из современных трендов в организации высшего образования. В юридическом образовании это требование сложно выполнить применительно к курсу истории государства и права. Данный курс является классическим и имеет важное значение для становления правовой культуры юриста. Поэтому его трудно приспособить под утилитарные требования. Причем практико-ориентированность в юридическом образовании часто понимается в поверхностном, утилитарно-инструментальном значении, как получение ремесла для успешного зарабатывания денег. При этом игнорируются те высокие цели и роль, которую юристы призваны играть в обществе. В рамках практико-ориентированности нельзя историю государства и права вырывать из контекста общей истории, поскольку это ведет к формальному позитивизму в его худшем значении. В процессе обучения важное значение имеет и проблема социальной дисциплины как важного фактора социализации студентов. Методологическая дисциплина профессионального мышления, как часть социальной дисциплины развивается в процессе освоения теоретико-исторических наук. Также автор статьи негативно относится к идее замены целостного курса истории государства и права на курсы истории отдельных юридических отраслей и институтов. По его мнению, это будет противоречить целостности восприятия социальных реалий, потворствовать «клиповому сознанию» студентов. Это в свою очередь препятствует той роли, которую историческое сознание играет в ходе современных информационных противоборств.

Ключевые слова: история государства и права, юридическая практика, юридическое образование, способ мышления.

Practice-Oriented Character of History of State and Law

*Kozyuk Mikhail N.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History of Law and State
of the Volgograd Institute of Management —
branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

Practical orientation is one of the modern trends in higher education. Legal education this requirement difficult to achieve with regard to the course of history of State and law. This course is a classic and is essential for the formation of legal culture. Therefore, it is difficult to adapt for utilitarian requirements. With practical orientation in legal education is often understood in a superficial, utilitarian-instrumental value as crafts for successful making money. This ignores those lofty goals and the role that lawyers play in society. Within the framework of the practical orientation of the State and law history cannot be taken out of the context of the overall story, as this leads to formal positivism in its worst meaning.

In the process of learning is important and the problem of social discipline as an important factor in socialization of students. Methodological thinking, professional discipline as part of social discipline develops in the development of theoretical and historical sciences. Also, the author of the article negative attitude towards the idea of replacing a holistic course of history of State and law history courses individual legal sectors and institutions. In his view, it would be inconsistent with the integrity of the perception of social realities, condone "klipovomu consciousness" students. This in turn prevents the role that historical consciousness plays in contemporary information conflicts.

Key words: History of State and Law, law practice, legal education, way of thinking.

История отечественного государства и права является классическим курсом в системе высшего юридического образования,

собственно его ровесником. За прошедший период, меняя в различные исторические эпохи свое название, но не суть, история

государства и права была олицетворением фундаментальности юридического образования, его методологической основой. Курс был своего рода островком «стабильности» юридического образования, вокруг которого собирались иные учебные курсы отраслевой направленности. Вообще для любого юридического вуза курс истории государства и права, профессора и преподаватели курса были своего рода «визитной карточкой», поскольку эта дисциплина в основном читается первокурсникам, когда студенческая молодежь только входит в храм юридической науки, а первые впечатления, как известно, самые запоминающиеся. Кроме того, отработанная десятилетиями методика преподавания курса в его позитивной консервативности, как правило, с содержательными классическими лекциями и семинарскими занятиями действительно олицетворяют вековой образ классического образования, идущего от церковных ритуалов выступлений с кафедры с налетом некой сакральности знания.

О современном отечественном юридическом образовании, как, впрочем, и обо всем высшем образовании страны, идут серьезные дискуссии, в частности есть спрос на повышение его эффективности в виде практико-ориентированности¹. Как пишет Е.А. Попов, «Прикладную ориентацию знания следует рассматривать как один из критериев новизны в юридической науке»². Юриспруденция — это практическая отрасль знаний, и позволить себе роскошь «парения» в философских абстракциях «не от мира сего» она себе просто не может. Динамичная общественная практика постоянно требует компетентных правоведов, что диктует и обязанность юридических учебных заведений удовлетворять этот социальный спрос. Поэтому дихотомия «юридическое образование — юридическая практика» постоянно находится в динамическом равновесии, где, конечно, практика по объективным причинам находится на «полшага» впереди. Если же это расстояние явно увеличивается — настает вре-

мя серьезных дискуссий. Подобного рода дискуссии о том, чему и как учить будущих юристов, обычно проходят в период повышения динамичности социальных явлений, которые, в свою очередь, и обуславливают динамизм правовых процессов. Вместе с тем это все же мало затрагивало историю государства и права, которая была своего рода хранителем академических традиций, не позволяя сиюминутным прагматическим интересам поколебать устои здания высшего юридического образования. Здесь следует согласиться с мнением Е.А. Попова о том, что «Традиционализм, какие бы формы в юриспруденции он ни приобретал, не является фактором, отягощающим поиск знания, обладающего явной новизной, и в таком виде он не нуждается в преодолении и вымещении из области познания»³.

Между тем и преподавание истории государства и права не может игнорировать современные тренды. Поэтому среди специалистов также идут дискуссии о том же практико-ориентированном подходе, который в своей основе означает, что каждый элемент обучения должен быть связан с будущей профессией. И как отмечает доктор юридических наук, профессор И.В. Минникес, «Относительно значимости в обучении юриста таких курсов, как уголовное, гражданское, административное право и иных дисциплин вопросов не возникает. Гораздо сложнее осознать и обосновать тот факт, что история отечественного государства и права отнесена именно к дисциплинам профессионального цикла»⁴. Причинами тому, на его взгляд, являются неочевидность для студента-первокурсника связи между историей и юридической практикой. Здесь, правда, следует заметить, что для студента-первокурсника сама по себе и юридическая практика — вещь неочевидная, поэтому такого рода претензии несколько надуманы. Как далее отмечает И.В. Минникес, немного по другому поводу, «Вряд ли тот, кто только начинает обучение, способен провести такие весьма сложные и многосоставные параллели, которые бы позволили увидеть и оценить значение этой информации для юриста-практика»⁵. Вообще, на-

¹ См., напр.: Дранжевский М.Д. Практико-ориентированные методики обучения студентов в юридических клиниках. Проблемы юридического образования и науки // Юридическое образование и наука. 2016. № 2. С. 10–13.

² Попов Е.А. Некоторые возможности и критерии установления новизны в современных юридических исследованиях // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2. С. 23.

³ Там же. С. 24–25.

⁴ Минникес И.В. История отечественного государства и права: практико-ориентированный подход // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки, 2016. № 3. С. 44.

⁵ Там же.

блюдается некое современное «поветрие» в общей организации обучения в высшей школе, заключающееся в том, что организацию образовательного процесса пытаются отдать на откуп студентам: сами студенты не только дают оценку профессору, но и составляют свои образовательные стратегии и т.п. Такого рода управленческие манипуляции заставляют подозревать организаторов подобного рода «конструктов» или в наивности, или, наоборот, в искусственности на ниве разрушения социальной среды образования или, как минимум, в уклонении от ответственности за уровень и качество образования.

Одним из специфических аспектов темы социальной дисциплинированности является проблема методологической дисциплинированности, в широком смысле, мышления человека. Известно, что одним из фундаментальных научных принципов мышления является принцип историзма. В научной методологии он довольно неплохо изучен и вызывает возражение только у современных постмодернистов. Однако при всех современных дискуссиях по историческим проблемам, внедрению этого принципа или метода в сознание населения и особенно молодых людей в процессе обучения обычно не придают особого значения. Вместе с тем само по себе знание исторических фактов может быть догматическим, начетническим и ... внеисторическим. Умение видеть жизнь исторически, впрочем, как и системно, не дается человеку с рождения, а воспитывается в процессе его социализации, причем на ранних этапах. Как обоснованно полагает В. Багдасарян, история «позволяет развивать такие компоненты мышления, которые не так выражены в других дисциплинах. Прежде всего это мышление в рамках целостного процесса. Через историю (что понимали еще в античные времена) прошлое связывается с настоящим и проецируется на будущее. Соответственно, важно сформировать умение выявлять причинно-следственные связи, мыслить в логике причин и следствий исторического процесса»⁶. И эти качества очень важны в юридической работе, если ее, конечно, не сводить к какой-то формально-бюрократической рутине вроде «бегания с бумажками по судам и конторам», а заниматься решени-

ем человеческих проблем, а иногда и судеб людей. Когда говорят о ментальных национальных ценностях, то в общем-то не стоит здесь бросаться в рассуждения об этическом релятивизме. Эти ценности, по крайней мере основные из них, имеют правовое звучание. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» констатируется: «Возрождаются традиционные российские духовно-нравственные ценности. У подрастающего поколения формируется достойное отношение к истории России. Происходит консолидация гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, таких как свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и профессиональных традиций, патриотизм»⁷. Можно спорить о степени пафосности документа, однако вряд ли можно возразить что-то по существу.

В современных юридических вузах апелляция к будущей профессиональной практике в системе мотивирования студентов занимает немаловажное место. Но, к сожалению, вся эта мотивация чаще всего кружится вокруг зарабатывания денег и создания бытового комфорта. Конечно, по мнению многих горе-воспитателей юристов, как правило, не нюхавших юридического «пороха», это и есть «практико-ориентированный» подход, хотя на самом деле это извращение смысла юридической профессии. И сама история юриспруденции, показывающая масштабность правового развития человеческой цивилизации, становится препятствием на пути такого мелочно-утилитарного, ремесленного представления о юридической профессии⁸.

Иногда среди недостатков курса истории государства и права обычно отмечается тот факт, что он в некотором отношении дублирует курс общей истории, которую молодые люди изучали в средней школе. Однако вряд ли это следует считать недостатком. Вообще, для грамотного человека и гражданина свойствен-

⁶ Багдасарян В. Антироссийские исторические мифы. СПб., 2016. С. 46–47.

⁷ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 11. // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Артемов В.М. Человекоцентризм как императив профессионализма выпускника-юриста в условиях модернизации современного образования // Юридический мир. 2016. № 10. С. 57–60.

но постоянное общение с историей, будет ли это в рамках образования, посещения музеев и выставок, чтения исторических романов, просмотра кинофильмов и т.п. В этом смысле исторического знания «много не бывает». Сопряженность истории государства и права с общей историей государства и общества ведет как раз к единству и цельности взгляда на цивилизационное развитие, препятствующее в методологическом плане развитию правовой бюрократической версии, отрывающей право от общества. Правовая система, и в формальном, и в содержательном смысле являясь относительно самостоятельной, тем не менее развивается в соответствии с общими социальными реалиями. Как писал французский историк Марк Блок, «право в строгом смысле слова — это формальная оболочка реальностей, слишком разнообразных, чтобы быть удобным объектом для изолированного изучения, и ни одну из них право не может охватить во всей полноте»⁹. Это методологическое фундаментальное положение как раз очевидно при рассмотрении развития права в контексте общесторического развития. Даже некоторые возникающие здесь особенности, например история римского права, при глубоком, а не поверхностном их рассмотрении подтверждают это фундаментальное положение. Не отрыв профессии юриста от социального контекста, а постоянное подчеркнутое служение интересам общества — вот практико-ориентированная цель связи истории государства и права с общей историей общества. Тот же М. Блок отмечает: «история права должна была бы существовать самостоятельно лишь как история юристов, и для одной из отраслей науки о людях это тоже не такой уж незавидный способ существования»¹⁰. Творчески развивая эту мысль, вполне возможно разработать некий спецкурс под условным названием «История юридической профессии». Думается, он был бы не бесполезным для будущих юристов.

Одно из предложений в рамках практико-ориентированности истории государства и права заключается в идее упразднения курса общей истории государства и права и введении учебных курсов исто-

рии отдельных отраслей или даже правовых институтов, поскольку юридическая специализация имеет некий «отраслевой» характер. В указанной выше работе И.В. Минникес делает общий вывод: «для преподавателей истории права и государства главная задача — это подготовить юристов со знанием истории. Для них важнее знать, как развивался тот или иной институт и как его эволюция отразилась на современной правовой действительности, как правильно понять и оценить предпринимаемые властью реформы, имелись ли аналоги в прошлом, если да, то к каким последствиям они привели. Ответы на эти вопросы будут подспорьем для любого юриста — и теоретика, и практика»¹¹. С таким выводом трудно не согласиться, однако при этом не нужно забывать о неизбежных побочных эффектах, невнимании к которым порой дискредитирует в целом здравую идею. «Растаскивание» общей истории государства и права по отраслевым наукам, при всей ее практико-ориентированной привлекательности может привести к усилению одной из ныне общепризнанных угроз мышлению молодежи. Так, специалист в образовательной экономике Е.В. Балацкий пишет: «Современные студенты имеют определенную ментальность, которая уже физически и физиологически не позволяет им эффективно воспринимать лекционный материал. Речь идет о так называемом клиповом сознании»¹². Термин «клиповое (иногда — «мозаичное») сознание» появился в 90-х годах прошлого века как отражение влияния на интеллектуальные способности молодежи развития различного рода компьютерных технологий, а также новых жанров в СМИ и шоу-бизнесе, новостные передачи, музыкальные клипы и т.п. В результате молодой человек не способен долго концентрироваться на информации, у него заметно снижается способность к ее анализу, снижается степень усвоения знаний в процессе обучения.

Если же говорить о юридической профессии, то от способа профессионального мышления зависит и успешность профессиональной деятельности. В последнее время данной темой заинтересовались ученые, и по вопросам правового мышления

⁹ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 85.

¹⁰ Там же.

¹¹ Минникес. Там же С. 53.

¹² Балацкий Е.В. Новые тренды в развитии университетского сектора // Мир России. 2015. № 4. С. 74.

опубликован ряд работ, хотя эта тема довольно обширная. В основе обучения — концентрация внимания, так называемое «продолжительное» мышление, умение анализировать, выделять главное, разрабатывать сложные схемы действий и т.п., то есть развитие феноменов, прямо противоположных «клиповому» сознанию. И если в подходах к проблеме Е.В. Балацкого сквозит некое примирение с ситуацией вплоть до предложений об отмене лекций, как формы обучения якобы «непосильной» для современных студентов, то, наверное, необходимо рассмотреть и противоположную стратегию — противодействие этому негативному явлению. Здесь курс истории государства и права, совмещающий и академизм, и аналитику, и даже некую «беллетристность», может иметь не только сугубо информационное, а скорее интеллектуально-развивающее значение. Так, один из методов преодоления клипового мышления — метод парадоксов — вполне может быть использован в историческом обучении, недаром полки книжных магазинов заставлены исторической литературой

(правда, чаще макулатурой) в названиях которой значатся слова «тайны» и «загадки».

Последний момент также является немаловажным в проблеме практико-ориентированности истории государства и права. В результате развития клипового мышления молодые люди теряют критичность и самокритичность и становятся podatlivymi манипулированию и влиянию с различных сторон. Бушующие сейчас в мире информационные войны не прошли мимо России, наоборот, у нас они порой, в силу известных социально-политических обстоятельств имеют особую разрушительность. Как угрозу национальной безопасности в сфере культуры называет Стратегия национальной безопасности попытки фальсификации российской и мировой истории. Именно историческое поле, как фундамент самосознания общества, является наиболее значимым пространством для информационных «битв». Поэтому было бы большой ошибкой не учитывать эти обстоятельства в дискуссиях по вопросу о практико-ориентированности истории государства и права.

Литература

1. Артемов В.М. Человекоцентризм как императив профессионализма выпускника-юриста в условиях модернизации современного образования / В.М. Артемов // Юридический мир. 2016. № 10. С. 57–60.
2. Багдасарян В. Антироссийские исторические мифы / В. Багдасарян. СПб., 2016. 384 с.
3. Балацкий Е.В. Новые тренды в развитии университетского сектора / Е.В. Балацкий // Мир России. 2015. № 4. С. 74.
4. Блок М. Апология истории или ремесло историка / М. Блок. М., 1986. 174 с.
5. Дранжевский М.Д. Практико-ориентированные методики обучения студентов в юридических клиниках. Проблемы юридического образования и науки / М.Д. Дранжевский // Юридическое образование и наука. 2016. № 2. С. 10–13.
6. Минникес И.В. История отечественного государства и права: практико-ориентированный подход / И.В. Минникес // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки, 2016. № 3. С. 44.
7. Мухаметшина Е. (2013) Ломоносовых больше не будет // Газета.ru. 25.11.2013. URL: <http://www.gazeta.ru/social/2013/11/22/5764921.shtml>
8. Попов Е.А. Некоторые возможности и критерии установления новизны в современных юридических исследованиях / Е.А. Попов // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2. С. 22–27.

Содержание преемственности права: вопросы теории и истории

*Ткаченко Сергей Витальевич,
доцент кафедры «Социальные технологии и право»
Самарского государственного университета путей сообщения,
кандидат юридических наук
rektor2@rambler.ru*

В результате упрощенного рассмотрения преемственности права сложились негативные тенденции смешения понятий рецепции и преемственности и преемственности и правопреемства, тенденция необоснованного сужения сферы применения преемственности, тенденция рассмотрения института преемственности исключительно с позиции непрерывного развития (т.е. прогресса). Основная проблема существования таких тенденций заключается в игнорировании его содержания, выражающегося в целях использования. Учитывая политико-правовой характер преемственности, автор приходит к выводу, что преемственность права представляет собой заимствование и внедрение идей, правовых институтов, норм, терминологии из отечественного права в целях модернизации правовой системы, приобретения международного авторитета, интеграции с другими странами либо закрепление политической переориентации на другие страны.

Ключевые слова: право, рецепция, преемственность права, модернизация, национализм, международный авторитет, геополитика.

Law Succession Content: Issues of Theory and History

*Tkachenko Sergey V.,
Assistant Professor of the Department of Social Technologies and Law
of the Samara State Transport University,
Candidate of Legal Sciences*

The result of the simplified consideration of the continuity of law, there is a negative trend of mixing the concepts of reception and continuity and continuity and succession, the trend of unjustified narrowing of the scope of the succession, the trend of examination of the Institute only continuity with the positions of continuous development (i.e. progress). The main problem of the existence of such trends is to ignore its content, as expressed in the purpose of use. Given the political and legal nature of the succession, the author comes to the conclusion that the continuity law is a adoption and introduction of ideas, legal institutions, norms, terminology of domestic law in order to modernize the legal system, the acquisition of international prestige, integration with other countries or perpetuate a political reorientation to other countries.

Key words: right, receptionists, continuity of law, modernization, nationalism, and international prestige, geopolitics.

Несмотря на обилие научной литературы, прямо или косвенно затрагивающей проблемы преемственности права, вопрос о ее сущности по настоящее время остается открытым. Исследователи утверждают, что проблема преемственности в праве «практически» не рассматривалась¹, остается «мало»² или «недостаточно»³ исследованной. Однако, по мнению автора, основная

проблема такого отсутствия интереса к институту преемственности состоит в игнорировании его содержания, выражающегося в целях использования. Именно поэтому сложились негативные тенденции смешения понятий рецепции и преемственности и преемственности и правопреемства, тенденция необоснованного сужения сферы применения преемственности, тенденция рассмотрения института преемственности исключительно с позиции непрерывного развития (т.е. прогресса).

Существующая в российской науке тенденция не видеть никакого различия меж-

¹ Тирских М.Г. К вопросу о правовой преемственности в трансрежимных переходах // Сибирский юридический вестник. 2012. № 4 (59). С. 110.

² Навальный С.В., Романенко Е.А. Преемственность в развитии политико-правовой мысли // Философия права. 2009. № 5. С. 83.

³ Рыбаков В.А. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические

вопросы : автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Омск, 2009. С. 4.

ду преемственностью и рецепцией глубоко укоренилась и имеет много сторонников⁴. Несколько в меньшей степени по сравнению с рецепцией такая же характерная ситуация — и с правопреемством. Исследователями зачастую термины «преемственность» и «правопреемство» рассматриваются как синонимы⁵. Помимо смешения понятий, обращает на себя внимание тенденция упрощенного понимания содержания преемственности, которое приводит к использованию таких расплывчатых, по сути, не имеющих никакой смысловой нагрузки формулировок, наподобие «стыка ближайших этапов развития национально-права», «использования отдельных элементов предшествующего этапа развития государственности в последующем»⁷, «испытание временем»⁸, «некоего исторического интервала»⁹; «права во времени»¹⁰ и т.д.

Малая изученность института преемственности приводит к рассмотрению ин-

ститута преемственности исключительно с позиции непрерывного развития: «удержание всего жизнеспособного, прогрессивного и развитие его на более высокой ступени»¹¹. При этом за скобками исследований остается до сих пор действующий во Франции Кодекс Наполеона (1804 г.), который, несмотря на прошедшие века, традиционно сохраняет свою структуру и содержание: из 2281 статьи Кодекса Наполеона 1200 до сих пор не подвергались никаким изменениям¹². Такая демонстрация сохранения юридических принципов, подходов, техники изложения нормативно-правового материала в отечественной правовой системе служит основным фактором стабилизации в государстве посредством убеждения населения в уважении государством правовых традиций общества, гордости за свою историю, государственность, правовую систему. Гордость за свою правовую историю, укрепление своего международного авторитета констатируется указанием в конституциях определенных исторических источников, таких как, например, Декларация 1789 г.¹³ Различные государства декларируют свою многовековую историю в Конституциях, сохраняют, зачастую вновь восстанавливают традиционные, по сути отжившие, существовавшие многие века институты монархии, парламента и т.д. Так, в испанском государстве при власти Франко «Закон о наследовании поста главы государства»¹⁴ вновь объявил Испанию «королевством», реставрировав монархию, что послужило фактором стабильности государства и общества.

Установление преемственности с государством и его правовой системой активно используется в целях приобретения международного авторитета. Типичным примером является установление Западной цивилизации преемственности с древнеримской империей. Так, в Средние века устанавливалась преемственность властных полномо-

⁴ См.: Литвинович Ф.Ф. Преемственность в праве: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2000. С. 83 ; Теория государства и права : учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 2006. С. 227 ; Линько В.В. Рецепция права в региональном правовом пространстве // Имитация как принцип толерантного поведения : сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-просветительской конференции. 2013. С. 121 ; Андриановская И.И. Преемственность в трудовом праве России : автореф. Дисс. ... докт. юрид. наук. М. : МГУ, 2015. С. 13 ; Колдаева Н.П. О преемственности в праве // Теория права: Новые идеи. Вып. 1. М., 1991. С. 10.

⁵ См., напр.: Арзамаскин Н.Н. Теоретико-методологические основания возникновения, становления и развития формы российского государства : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. С. 22 ; Андреева О.А. Проблема преемственности в истории российского права // История государства и права. 2009. № 7. С. 13–17 ; Абдулгамидова Д.А. Некоторые аспекты преемственности в праве // Современное право. 2014. № 1. С. 4–6.

⁶ Рыбаков В.А. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы : автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Омск, 2009. С. 11.

⁷ Наконечная Т.В. Преемственность в развитии советского права. Киев, 1987. С. 10 ; Рябинин Н.А. Преемственность государственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 11.

⁸ См. напр.: Ютяева Л.Е. К вопросу о рецепции в российском праве в первой четверти XVIII в. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2015. № 4 (23). С. 46

⁹ Абдулгамидова Д.А. Некоторые аспекты преемственности в праве // Современное право. 2014. № 1. С. 4.

¹⁰ Губайдуллин А.Р. Преемственность в правореализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 4

¹¹ Новицкая Т.Е. Использование дооктябрьских норм права в первый год советской власти // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1983. № 3. С. 48–54.

¹² Гражданский кодекс Франции от 21.03.1804 с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011 // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=INT &n=55696&req=doc#0>

¹³ Конституция Французской Республики 04.10.1958 // Конституции зарубежных стран. Сборник / сост. В.Н. Дубровин. М. : Юрлитинформ, 2009. С. 48.

¹⁴ Закон о наследовании поста главы государства Испании 1947 г. // <http://constitutionallaw.ru/?p=1635>

чий между древнеримскими императорами и германским императором. Впоследствии рожденная на преемственности с древнеримской империей идеология «Третьего рейха» (*Drittes reich*) основывалась на представлениях о непрерывной преемственности развития немецкой государственности, последовательно сменяющихся рейхах.

Другая ситуация — с установлением преемственности с отечественными идеями, которые отвечают экономической и политической обстановке. Именно они могут привести к подлинной модернизации любого общества. Но этот фактор исследователями зачастую недооценивается, зачастую — высмеивается. Так, высказывается суждение, что в современной России «открылась политическая мода не столько на заимствования (в самом деле, не конституции же исламских государств брать за образцы), сколько на идеи, давно отпавшие хodom исторического процесса в нафталиновый утиль: «русский мир»; Третий Рим; нарочитый изоляционизм; патернализм; культ вождя; пропагандистский официоз; милитаризм; отрицание европейской системы правовых и моральных ценностей»¹⁵.

Однако данные идеи уже показали свою эффективность. В частности, идеи Русского мира служат основой для интеграционных процессов на территории бывшего СССР. Так, на преемственности с Русским миром строит свою идеологию Донецкая Народная Республика, что нашло отражение в нормативно-правовых актах. Так, Постановление № 29-1 от 22.08.2014 «Об отмене празднования ряда государственных праздников Украины и связанных с ними выходных дней на территории Донецкой Народной Республики» определило незаконность выхода УССР из состава СССР¹⁶, что является косвенным основанием к установлению преемственности с российской государственностью, т.е. с «Русским миром».

Декларации о преемственности с государственностью и политико-правовыми ценностями прошлого могут обозначать и претензии на территории определенных иностранных государств. Так, меморандум

ДНР о правопреемственности утверждает такие обоснования на часть территории современной Украины: «Мы подтверждаем историческую связь государственных образований Донецко-Криворожской Республики и Донецкой Народной Республики. ...В состав Республики вошли территории Харьковской и Екатеринославской губерний, Криворожье Херсонской губернии, часть уездов Таврической губернии и промышленные районы Области Войска Донского. ...Провозглашаем продолжение традиций Донецко-Криворожской Республики и заявляем, что государство Донецкая Народная Республика является ее преемником»¹⁷.

Зачастую декларативный возврат к определенным историческим эпохам развития отечественного права, отрицание преемственности с предшествующей эпохой демонстрирует геополитическую переориентацию государственности. Указанные процессы происходили на постсоветском пространстве, когда государства, на протяжении веков входившие в состав Российской империи и СССР, отказом от преемственности с советской (т.е. российской) государственностью, с советской правовой системой, устанавливали преемственность с утратившими свою практическую актуальность Конституциями, нормативными актами, существовавшими непродолжительное время и знаменовали свое возвращение к государственной самостоятельности, к обретению суверенитета. Так, при выходе из состава СССР Грузия вернулась к «основным принципам Конституции Грузии 1921 года»¹⁸, Литовское государство вернулось к акту Литовского Совета о Независимости от 16 февраля 1913 года и Резолюции Учредительного Сейма от 15 мая 1920 г. о восстановлении демократического Литовского государства¹⁹, Латвийское государство в 1992 г. восстановило Гражданский закон Латвийской Республики 1937 г., составленный на основе третьего тома Свода местных узаконений остзейских 1862 г. На этом примере можно констатировать несостоятельность суждений относительно про-

¹⁵ Пугачев А.Н. Заимствования, компиляции, отторжения как факторы конституционной модернизации // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки : научно-теоретический журнал. 2014. № 14. С. 37.

¹⁶ Постановление № 29-1 от 22.08.2014 «Об отмене празднования ряда государственных праздников Украины и связанных с ними выходных дней на территории Донецкой Народной Республики» // URL: <http://dnr.today/doc/dokumenty-soveta-ministrov/>

¹⁷ Меморандум ДНР о правопреемственности 04.02.2015 // URL: <http://constitutions.ru/?p=10901>

¹⁸ Конституция Грузии // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/130>

¹⁹ Акт Верховного Совета Литовской республики о восстановлении независимости Литовского государства // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: <http://constitutions.ru/?p=2932>

грессивности преемственности, где законодатель «обращается ко всему созданному ранее и отбирает в свою копилку самое ценное, не устаревшее, устойчиво стабильное, привнося в него новое»²⁰.

В результате разрушения СССР переход на Западный геополитический проект также заставил Россию отказаться от преемственности в области традиций государственности и права. Законодательный материал, успешно работавший, вошедший в мировую правовую культуру, являющийся гордостью советского общества, был полностью уничтожен. Остались в прошлом такие памятники советской правовой мысли как Гражданский кодекс РСФСР 1922 г.²¹, Гражданский кодекс РСФСР 1965 г.²², Уголовный кодекс РСФСР²³, Кодекс законов о труде РФ²⁴ и т.д.

²⁰ Панько К.К. Преемственность в праве (на примере развития законодательства о юридической технике) // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 357–362.

²¹ Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1922. № 71, ст. 904.

²² Гражданский кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24, ст. 407.

²³ Уголовный кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

²⁴ Кодекс законов о труде Российской Федерации // Ведомости ВС РСФСР. 1971. № 50, ст. 1007.

Необходимо также отметить, что преемственность права, традиций государственного строительства широко используется в качестве идеологического инструмента националистических движений, что формирует определенным образом общественное сознание и создает возможность для легитимизации цветных революций. Так, в современной Украине в рамках воссоздания национал-социалистической идеологии происходит возврат к законодательным актам, принятыми УПА, в частности это касается Акта о восстановлении Украинского государства от 30 июня 1941 г. Аналогичные по своей сути процессы происходят и в современной Беларуси. Так, используя правовые акты об установлении независимости Беларуси, изданные в период оккупации Германией (21 февраля 1918 г. и 21 декабря 1943 г.), националистические движения требуют смены политического режима и геополитической переориентации на Западный мир.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что преемственность представляет собой заимствование и внедрение идей, правовых институтов, норм, терминологии из отечественного права в целях модернизации правовой системы, приобретения международного авторитета, интеграции с другими странами либо закрепление политической переориентации на другие страны.

Литература

1. Абдулгамидова Д.А. Некоторые аспекты преемственности в праве / Д.А. Абдулгамидова // Современное право. 2014. № 1. С. 4–6.
2. Андреева О.А. Проблема преемственности в истории российского права / О.А. Андреева // История государства и права. 2009. № 7. С. 13–17.
3. Андриановская И.И. Преемственность в трудовом праве России : автореф. дисс. ... докт. юрид. наук / И.И. Андриановская. М. : МГУ, 2015. 53 с.
4. Арзамаскин Н.Н. Теоретико-методологические основания возникновения, становления и развития формы российского государства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Н.Н. Арзамаскин. М., 2008. 32 с.
5. Губайдуллин А.Р. Преемственность в правореализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Р. Губайдуллин. Казань, 2006. 28 с.
6. Колдаева Н.П. О преемственности в праве / Н.П. Колдаева // Теория права: Новые идеи. Вып. 1. М., 1991. С. 140–152.
7. Линько В.В. Рецепция права в региональном правовом пространстве / В.В. Линько // Имитация как принцип толерантного поведения : сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-просветительской конференции. 2013. С. 119–130.
8. Литвинович Ф.Ф. Преемственность в праве: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук / Ф.Ф. Литвинович. Уфа, 2000. 179 с.
9. Навальный С.В. Преемственность в развитии политико-правовой мысли / С.В. Навальный, Е.А. Романенко // Философия права. 2009. № 5. С. 82–88.
10. Наконечная Т.В. Преемственность в развитии советского права / Т.В. Наконечная. Киев, 1987. 219 с.
11. Новицкая Т.Е. Использование дооктябрьских норм права в первый год советской власти / Т.Е. Новицкая // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1983. № 3. С. 48–54.

12. Панько К.К. Преемственность в праве (на примере развития законодательства о юридической технике) / К.К. Панько // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 357–362.
13. Пугачев А.Н. Заимствования, компиляции, отторжения как факторы конституционной модернизации / А.Н. Пугачев // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки : научно-теоретический журнал. 2014. № 14. С. 37.
14. Рыбаков В.А. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы : автореф. дисс. ... докт. юрид. наук / В.А. Рыбаков. Омск, 2009. 37 с.
15. Рябинин Н.А. Преемственность государственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Рябинин. Екатеринбург, 2001. 222 с.
16. Теория государства и права : учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 2006. + общее кол-во страниц
17. Тирских М.Г. К вопросу о правовой преемственности в трансрежимных переходах / М.Г. Тирских // Сибирский юридический вестник. 2012. № 4 (59). С. 110–114.
18. Ютяева Л.Е. К вопросу о рецепции в российском праве в первой четверти XVIII в. / Л.Е. Ютяева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2015. № 4 (23). С. 46–48.

М. Вебер о типах легитимности государственной власти, бюрократии и патримониальном государстве

*Беляева Ольга Маратовна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
olga.beliaeva@mail.ru*

М. Вебер детально разработал теорию бюрократии, рассматривая последнюю как необходимую форму осуществления власти и функционирования государственного аппарата, а также описал три типа легитимности власти. Вебер приходит к выводу, что в основе государства лежит легитимное насилие. Представления Вебера о государстве нашли отражение в Веймарской конституции Германии, в разработке которой он принимал непосредственное участие.

Ключевые слова: политика, государство, типы легитимности, бюрократия, власть, исторические типы права, патримониальное государство.

M. Weber on State Authority Legitimacy Types, Bureaucracy and Patrimonial State

*Belyaeva Olga M.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Kazan (Volga region) Federal University,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

M. Weber elaborated the theory of bureaucracy, analyzing it as an essential form of authority realization and state apparatus functioning; he also described three types of public authority's legitimacy. Weber came to the conclusion that legitimate coercion is the base of state. Weber's ideas on state affected the Weimar Constitution in Germany; in its elaboration he directly participated.

Key words: politics, state, types of legitimacy, bureaucracy, authority, historical types of law, patrimonial state.

Макс Вебер (1864–1920 гг.) — немецкий социолог, философ, экономист, историк, представитель социологического

направления в области права, разработчик теории бюрократии и типов легитимности власти.

Основные работы: «Политика как призвание и профессия» (1919), «Наука как призвание и профессия» (1920), «Харизматическое господство», «О буржуазной демократии в России» (1906), «Переход России к мнимому конституционализму» (1906), «Протестантская этика и дух капитализма» (1904–1905), «Собрание сочинений по социологии религии» (1922–1923), «Хозяйство и общество» (1925), «О некоторых категориях понимающей социологии» (1913) и др.

На Вебера большое влияние оказали: немецкий философ Г.В.Ф. Гегель, французский историк и социолог А. де Токвиль. Сам же Вебер подверг критике материалистические взгляды на историю К. Маркса. Маркс, по словам Вебера, стремился объяснить все общественные процессы через закономерности общественной жизни. На самом же деле развитие общества определяют разнообразные факторы — политические, религиозные, научные, культурные и др. Вебер придерживался взглядов о необходимости экономического процветания буржуазии как класса и идеи национально-величия.

Политические воззрения Вебера сложились под влиянием эпохи Бисмарка. Помимо этого, Вебер входил в германскую делегацию на Версальской мирной конференции и в комиссию по подготовке проекта Веймарской конституции Германии.

Круг интересов Вебера был широк. Он изучал юриспруденцию в Гейдельбергском университете, одновременно занимался политэкономией и экономической историей. Неудивительно, что Вебер впервые применил междисциплинарный подход (исторический, экономический, социологический) к исследованию государственных и правовых явлений. Так, либеральная демократия, считал Макс Вебер, неразрывно связана с протестантской этикой, культурой консенсуса, духом индивидуализма.

Понимание ценностей (например, религиозных, правовых, политических), реализованных в действительности, позволило Веберу использовать генетический метод для объяснения социального поведения людей¹.

Вебер одним из первых отметил парадокс демократизации: результатом во-

влечения масс в социально-политическую жизнь является возникновение большого количества организаций, которые затем становятся деструктивными для демократического политического функционирования².

О государстве.

«Государство, — пишет Вебер, — равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (т.е. считающееся легитимным) насилие как средство». «Современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции»³.

Что есть «государство»? Ведь государство нельзя социологически определить, исходя из содержания его деятельности. Почти нет таких задач, выполнение которых политический союз не брал бы в свои руки то здесь, то там; с другой стороны, нет такой задачи, о которой можно было бы сказать, что она во всякое время полностью, т.е. исключительно, присуща тем союзам, которые называют «политическими», т.е. в наши дни — государствам, или союзам, которые исторически предшествовали современному государству. Напротив, дать социологическое определение современного государства можно, в конечном счете, только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, средства — физического насилия. «Всякое государство основано на насилии», — говорил в свое время Троцкий в Брест-Литовске. И это действительно так. Только если бы существовали социальные образования, которым было бы неизвестно насилие как средство, тогда отпало бы понятие «государство», тогда наступило бы

¹ Мачин И.Ф. История политических и правовых учений. М. : Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009. С. 365.

² Мухаев Р.Т. История политических и правовых учений. М. : Юрайт, 2013. С. 561.

³ История государственно-правовых учений: Хрестоматия / авт.-сост. С.В. Липень; под ред. В.В. Лазарева. М. : Спарк, 2006. С. 893, 895.

то, что в особом смысле этого слова можно было бы назвать «анархией»⁴.

Иными словами,

1) определить государство через перечисление его функций, невозможно;

2) нет таких задач, которые бы те или иные государства не стремились решать;

3) трудно назвать исключительные задачи, которые могло бы решать только государство;

4) основное средство для решения государственных задач — легитимное насилие.

О типах легитимности.

М. Вебер пишет, что имеется три вида внутренних оправданий, т.е. оснований легитимности (легитимность (от лат. *legitimus* — законный, надлежащий, правильный). Ученый различал три «чистых» типа легитимности господства:

1) традиционный тип;

2) харизматический тип;

3) легально-рациональный тип.

Традиционный тип легитимности основан на авторитете и уважении «вечно вчерашнего», осуществлялся, как правило, патриархом или патримониальным князем старого типа. Данный тип легитимности основан на авторитете нравов, освященных «исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение».

В традиционном типе легитимности власти Вебер выделял два подтипа:

1) патриархальный, основанный на прямых, односторонних связях, являющийся основой патернализма;

2) сословный, базирующийся на относительной автономности и безусловном подчинении кодексу чести (присяга, слово, обычай).

Харизматический тип легитимности основан на харизме (от греч. *charisma* — милость, божественный дар), полной личной преданности, личном доверии, вызванном наличием особых качеств у человека, может осуществляться пророком, избранным князем-военачальником, или плебисцитарным властителем, выдающимся демагогом, политическим партийным вождем. Данный тип легитимности основан на авторитете внеобыденного личного дара (харизме). Сила харизматического правителя состоит не в опоре на закон и рациональный аппарат управления, не в сложившихся традициях поведения, а в обладании редким да-

ром, вызывающим сходное с религиозным преклонение.

Харизматический тип характерен для переходных обществ, где происходят радикальные изменения ценностных ориентаций и институтов. Разновидностью харизматического типа легитимности, по Веберу, является вождистски-плебисцитарная легитимность, характерная для тоталитарных и авторитарных режимов⁵. Как показывает исторический опыт, многие харизматические правители довольно часто оказывались тиранами и диктаторами (Гитлер, Сталин) или, по крайней мере, придерживались довольно жестких (авторитарных) стилей руководства.

Вебер предложил теорию плебисцитарной демократии, согласно которой харизматический лидер, избранный с помощью плебисцита, т.е. прямого голосования всего народа, должен дополнять недостаточную легитимность парламентской демократии, гарантировать политическую стабильность, выполнять роль независимого и беспристрастного арбитра во всех спорах. Идея плебисцитарной демократии с харизматическим лидером задумывалась для обеспечения единства общества и его стабильности. Однако на практике она привела в 30-х гг. XX в. к установлению в Германии фашистской диктатуры⁶.

Легально-рациональный тип легитимности существует в силу легальности, в силу веры в обязательность легального установления и деловой компетентности, обоснованной рационально созданными правилами, т.е. ориентации на подчинение при выполнении установленных правил, законов. Осуществляется современным государственным служащим и «теми носителями власти, которые на него похожи в этом отношении». Подчинение в таких условиях реализуется как повиновение законам, а не личности правителя. К такому типу принадлежит большинство современных европейских государств, для которых характерен примат формально-правового начала. Аппарат управления в этих государствах состоит из компетентных чиновников, обязанных действовать не по своему собственному усмотрению, а в соответствии с законами.

Вебер отмечает, что чистые типы редко встречаются в действительности, попутно

⁴ Там же. С. 892–893.

⁵ Мухаев Р.Т. История политических и правовых учений. М.: Юрайт, 2013. С. 562.

⁶ Там же. С. 562.

указывая, что детальный анализ крайне запутанных изменений, переходов и комбинаций этих чистых типов относится к проблематике «общего учения о государстве».

О власти и политике.

Вебер определял власть следующим образом. Власть — это «возможность для одного из субъектов общественного отношения осуществить свою волю вопреки сопротивлению других участников независимо от того, на чем эта возможность основана». Основным элементом власти является профессиональная бюрократия⁷.

«Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти «ради нее самой», чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает».

Можно заниматься «политикой», — пишет Вебер в работе «Политика как призвание и профессия»⁸, — т.е. стремиться влиять на распределение власти между политическими образованиями и внутри них — как в качестве политика «по случаю», так и в качестве политика, для которого это побочная или основная профессия, точно так же, как и при экономическом ремесле. Политиками «по случаю» являемся все мы, когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление, например, рукоплещем или протестуем на «политическом» собрании, произносим «политическую» речь и т.д.; у многих людей подобными действиями и ограничивается их отношение к политике. Политиками «по совместительству» являются в наши дни, например, все те доверенные лица и правления партийно-политических союзов, которые — по общему правилу — занимаются этой деятельностью лишь в случае необходимости, и она не становится для них первоочередным «делом жизни» ни в материальном, ни в идеальном отношении.

Есть два способа сделать из политики свою профессию: либо жить «для» политики, либо жить «за счет» политики и «политикой». «За счет» политики как профессии живет тот, кто стремится сделать из нее постоянный источник дохода; «для» политики — тот, у кого иная цель. Чтобы некто в

экономическом смысле мог бы жить «для» политики, при господстве частнособственного порядка должны наличествовать некоторые, если угодно, весьма тривиальные предпосылки: в нормальных условиях он должен быть независимым от доходов, которые ему может принести политика. Следовательно, он просто должен быть состоятельным человеком или же как частное лицо занимать такое положение в жизни, которое принесит ему достаточный постоянный доход.

Если государством или партией руководят люди, которые (в экономическом смысле слова) живут исключительно для политики, а не за счет политики, то это необходимо означает «плутократическое» рекрутирование политических руководящих слоев.

Профессиональный политик, живущий за счет политики, может быть чистым «пребендарием» или чиновником на жалованье. Тогда он либо извлекает доходы из пошлин и сборов за определенные обязательные действия — чаевые и взятки представляют собой лишь одну, нерегулярную и формально нелегальную разновидность этой категории доходов, — или получает твердое натуральное вознаграждение, или денежное содержание, или то и другое вместе. Руководитель политикой может приобрести характер «предпринимателя», как кондотьер, или арендатор, или покупатель должности в прошлом, или как американский босс, расценивающий свои издержки как капиталовложение, из которого он, используя свое влияние, сумеет извлечь доход. Либо же такой политик может получать твердое жалование как редактор, или партийный секретарь, или современный министр, или политический чиновник⁹.

О бюрократии.

Рационализация политической жизни приводит к появлению бюрократии. Бюрократии присуща обезличенность в управлении и строгое следование формальным правилам. Демократизация общественной жизни подрывает авторитет бюрократии. Плебисцитная демократия, опирающаяся на харизматического лидера, в состоянии противостоять бюрократии.

М. Вебер сформулировал шесть признаков современной бюрократии (власти чиновников), включая и государственную бюрократию:

⁷ Земцов Б.Н. История политических и правовых учений. М.: Юрайт, 2015. С. 374.

⁸ Правовая мысль: Антология / науч. ред.-сост. В.П. Малахов. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. С. 679–680.

⁹ Земцов Б.Н. История политических и правовых учений. М.: Юрайт, 2015. С. 375.

1) каждый чиновник обладает соответствующей компетенцией, зафиксированной в законах и инструкциях, — «рационально установленных», «корректно сформулированных» и «обнародованных» нормах, поэтому деятельность чиновников всегда носит официальный характер; осуществляется на постоянной основе в целях эффективного управления; опирается на четкие правила, регулирующие в случае необходимости применения принуждения — физического или иного; осуществляется физическими, которые обладают «качествами, которые от них требуются»;

2) существует иерархия чиновников, которая позволяет осуществлять контроль нижестоящих служащих вышестоящими;

3) управление осуществляется на основе письменной документации (дела, архивы), которая «сохраняется в своей первоначальной форме»;

4) управленческие функции выполняют профессионально подготовленные лица;

5) управление требует полной занятости, а не так, как было раньше, когда «административная работа выполнялась как второстепенная»;

6) управление основывается на общих правилах, более или менее стабильных, полных, которые могут быть заучены¹⁰.

Именно рациональная бюрократия олицетворяет типичный пример легального господства.

Экономическая необходимость, а также тенденция рационализации политики рано или поздно приведут к полному господству бюрократии, бюрократического государственного аппарата¹¹.

О патримониальном («вотчинном») государстве.

До Вебера в западной политической лексике не использовался термин «патримониальное господство». Томас Гоббс в XVII в. указывал на существование патримониальной монархии (Patrimonial Monarchy) — монархии, возникающей в результате завоевания, когда покоренный завоевателем народ вынужден подчиниться завоевателю «под страхом смерти». В XVIII в. Иммануил Кант писал о «патерналистском государстве» (*imperium paternale*), по сути, приравняв его к деспотии, т.к. в патерналистском

государстве «суверен хочет по своим понятиям сделать народ счастливым и становится деспотом». Тем самым фактически Кант противопоставил патерналистскому государству правовое государство.

В XX в. Макс Вебер выделил особый вид патерналистского господства¹² — патримониальное господство: «Патриархальному (и патримониальному — как его разновидности) господству свойственно то, что наряду с системой непреложных, абсолютно священных норм, нарушение которых влечет за собой дурные магические или религиозные последствия, действуют своеобразный произвол и милость господина, основанные в принципе на чисто «личных», а не «объективных» отношениях, и потому «иррациональные»¹³.

Патримониальное господство предполагает существование неограниченной личной власти, основанной на традиции: «Там, где власть строится прежде всего на традиции, но на деле претендует быть неограниченной личной властью, она будет называться «вотчинной».

Крайней формой патримониального господства для Вебера являлась «султанская деспотия», при которой султан не только является собственником всей земли, но и обладает полным господством над людьми, проживающими на этой земле.

Об исторических типах права.

Право рассматривалось ученым как часть системы политического господства, в основе которого лежат не незыблемые правовые принципы и постулаты, не категорический императив, а интересы. Конфликт — основа социальных отношений, и именно конфликт порождается интересами.

М. Вебер выделил четыре исторических типа права, под которыми понимал «теоретические ступени рациональности в развитии права».

Первым историческим типом является право примитивное, которое имело иррациональную природу. Это право возмещалось «живыми оракулами».

Вторым историческим типом было право прецедентное и каутелярное, которое формировалось в ходе рассмотрения конкретных судебных дел.

¹⁰ Марченко М.Н., Мачин И.Ф. История политических и правовых учений. М.: Высшее образование, 2005. С. 433.

¹¹ История государственно-правовых учений / отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Спарк, 2006. С. 631.

¹² Патернализм (от лат. *paternus* — отцовский), патримониальный (от лат. *patrimonialis* — вотчинный, наследственный, родовой).

¹³ Марченко М.Н., Мачин И.Ф. История политических и правовых учений. М.: Высшее образование, 2005. С. 434.

Третьим типом названо право октроированное (от фр. *octroyer* — жаловать, даровать), формируемое теократическими силами и светской властью.

Четвертый тип — право профессиональное, характеризующее высокую степень профессионализации правотворчества и правосудия.

«Общее развитие права и правосудия, если его разделить на теоретические «ступени развития», идет от харизматического провозглашения права правовыми «пророками» к эмпирическому правотворчеству и отправлению правосудия правовой «знатью» (каутелярное и прецедентное правотворчество), далее к октроированию права светской властью (*impregium*) и теократическими властями и, наконец, к систематическому правовому нормотворчеству и к профессиональному «правосудию», осуществляемому лицами, получившими юридическое образование (профессиональными юристами) на основе литературного и формально-логического обучения»¹⁴.

О видах действий и поведении.

Вебер разработал в социологии классификацию действий. Под действием же ученый понимал «человеческое поведение (безразлично, внешнее или внутреннее деяние, недеяние или претерпевание), если и поскольку действующий или действующие связывают с ним некоторый субъективный смысл. Но «социальным действием» следует называть такое, которое по своему смыслу, подразумеваемому действующим или действующими, отнесено к поведению других и этим ориентировано в своем протекании».

Так, Вебер выделял:

1) целерациональное действие — действие ориентировано на осознаваемую индивидом цель, выбор средств для ее достижения осуществляется им в соответствии с главным критерием такого действия — успехом;

2) ценностно-рациональное действие — поведение сознательно организовано в соответствии с определенной системой ценностей, не ориентированных на критерий успеха;

3) аффективное действие — действие определено через «актуальные аффекты и чувства», т.е. имеет эмоциональные источники;

4) традиционное поведение в основе имеет привычку¹⁵.

¹⁴ Мачин И.Ф. История политических и правовых учений. М.: Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009. С. 373.

¹⁵ Мир политической науки. В 2 кн. Кн. 2. Персоналии. Путеводитель по науч. биопр. и концепциям ста

Известный французский социолог Раймон Арон справедливо говорил о синтезе либерализма и империализма в системе ценностей Вебера и подчеркивал, как и другие исследователи Вебера, что превыше всего он ставил национальные интересы, национальное величие, все же остальное превращалось в средство для достижения этих целей¹⁶. «Политическая социология Макса Вебера дает выход на интерпретацию современного общества так же, как его социология религий имеет отношение к интерпретации современных цивилизаций»¹⁷.

Ряд исследователей творчества М. Вебера упрекают его в макиавеллизме, в вольном или невольном допущении авторитаризма и тоталитаризма¹⁸. Однако политическая позиция ученого, считавшего себя выразителем интересов буржуазии, была не так однолинейна. Вебер разрабатывает новую модель политической системы — плебисцитарную республику, сочетающую в себе принципы парламентаризма и демократии с сильной исполнительной властью. Веберовские представления о президенте в какой-то мере воплотились в Веймарской конституции. Статья 41 закрепляла прямые выборы, а ст. 48 объявляла главу государства единственным гарантом конституции¹⁹. Ученый настаивал на федерализме, децентрализации и возрастании роли земель — «должно быть столько унитаризма, сколько возможно в федеративном государстве», при этом сильный президент рассматривался как противовес эксцессам федерализма.

Высказывания М. Вебера о типах легитимности, о бюрократии до сих пор не теряют своей актуальности ни в методологическом, ни в теоретическом аспектах. Воззрения Вебера оказали значительное влияние на формирование правового реализма Карла Ллевеллина, а также на труды Жоржа Бурдо.

Учение М. Вебера интересно еще и тем, что в начале XX в. кризисное состояние по-

видных представителей политической мысли / под общ. ред. А.Ю. Мельвиля; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (МГИМО) МИД России. М.: Просвещение, 2005. С. 86.

¹⁶ История политических и правовых учений / под общ. ред. О.В. Мартышина. М.: Норма, 2007. С. 529.

¹⁷ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс, 1993. С. 561.

¹⁸ История государственно-правовых учений / отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Спарк, 2006. С. 632.

¹⁹ История политических и правовых учений / под общ. ред. О.В. Мартышина. М.: Норма, 2007. С. 532.

литико-правовой философии выразилось в размывании юридико-философской мысли в социологическом учении, заложив тем самым новое направление в западноевропей-

ской традиции политико-правовой мысли — социологической юриспруденции, самым видным представителем которой стал американский ученый Р. Паунд.

Литература

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Р. Арон. М. : Прогресс, 1993. 608 с.
2. Земцов Б.Н. История политических и правовых учений / Б.Н. Земцов М. : Юрайт, 2015. 440 с.
3. История государственно-правовых учений / отв. ред. В.В. Лазарев. М. : Спарк, 2006. 672 с.
4. История государственно-правовых учений : хрестоматия / авт.-сост. С.В. Липень; под ред. В.В. Лазарева. М. : Спарк, 2006. 1071 с.
5. История политических и правовых учений / под общ. ред. О.В. Мартышина. М. : Норма, 2007. 912 с.
6. Марченко М.Н. История политических и правовых учений / М.Н. Марченко, И.Ф. Мачин. М. : Высшее образование, 2005. 495 с.
7. Мачин И.Ф. История политических и правовых учений / И.Ф. Мачин. М. : Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009. 412 с.
8. Мир политической науки. В 2 кн. Кн. 2. Персоналии. Путеводитель по науч. биогр. и концепциям ста видных представителей политической мысли / под общ. ред. А.Ю. Мельвиля; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (МГИМО) МИД России. М. : Просвещение, 2005. 559 с.
9. Мухаев Р.Т. История политических и правовых учений / Р.Т. Мухаев. М. : Юрайт, 2013. 608 с.
10. Правовая мысль: Антология / науч. ред.-сост. В.П. Малахов. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. 903 с.

Диссертации по истории государства и права; истории отраслей права и юриспруденции: Всесоюзный юридический заочный институт (МЮИ) (1937–1991 гг.)

*Якушев Александр Николаевич,
доктор исторических наук, кандидат юридических наук,
кандидат педагогических наук, профессор, пенсионер
yakushevan@yandex.ru*

Эволюция тематики диссертационных исследований по истории государства и права; истории отраслей права и юриспруденции, аспирантов, докторантов, соискателей, заведующих кафедрой истории государства и права, научно-педагогических работников Всесоюзного юридического заочного института — Московского юридического института в период с 1937 по 1991 г.; установление информации о научных руководителях (научных консультантах), об официальных оппонентах, о ведущих организациях, принявших участие в подготовке и воспроизводстве научных кадров ВЮЗИ (МЮИ) и других вузов. В статье автор использует методы библиографического описания, анализ, обобщение, систематизация. Автором установлено количество и тематика диссертаций, а также научные руководители, официальные оппоненты и ведущие организации по ним, подготовленные и защищенные в ВЮЗИ по истории государства и права, истории политических и правовых учений. Впервые автором восполнен пробел деятельности ученых и преподавателей кафедры истории государства и права ВЮЗИ (МЮИ) в подготовке и воспроизводстве научных и научно-педагогических кадров в период с 1937 по 1991 г.

Ключевые слова: СССР, Всесоюзный юридический заочный институт, Московский юридический институт, диссертация, научный руководитель, официальный оппонент, ведущая организация, институт, университет, заведующий кафедрой, тематика диссертаций, история государства и права, история политических и правовых учений, история отраслей права; история юриспруденции, научная школа, заведующий кафедрой.

Theses on History of State and Law; History of Law Branches and Jurisprudence: Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (1937–1991)

*Yakushev Aleksandr N.,
Doctor of History, Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Pensioner*

The evolution of the subject of dissertation research on the history of state and law; history of branches of law and jurisprudence, graduate students, doctoral candidates, heads of the Department of history of state and law, scientific and pedagogical workers of the all-Union correspondence Institute of law Moscow law Institute in the period from 1937 to 1991; the establishment of information on research leaders (academic consultants), official opponents, leading organizations who participated in the preparation and reproduction of scientific personnel Vusi (ILI) and other universities. The author uses methods of bibliographic description, analysis, generalization, systematization. The author determines the number and topics of dissertations and supervisors, official opponents and leading them prepared and protected in wusi on the history of state and law, history of political and legal doctrines. The author makes first fill a gap of scientists and teachers of Department of history of state and law Vusi (ILI) in the preparation and reproduction of scientific and scientific-pedagogical personnel in the period from 1937 to 1991.

Key words: the USSR, all-Union correspondence Institute of law, Moscow law Institute, thesis, supervisor, official opponent, leading the organisation, Institute, University, head of the Department, subjects of dissertations, history of state and law; history of political and legal doctrines, history of branches of law, history of law, research school, head of Department.

Рукопись «Диссертационные исследования русских университетов Российской

империи, РСФСР по теории и истории государства и права; истории отраслей пра-

ва и юридической науки (1724–1991 гг.)»¹, подготовленная в 2017 г., включает в себя базу данных 1446 библиографических записей о диссертациях, авторефератах диссертаций, научных руководителях (научных консультантах), об официальных оппонентах и ведущих организациях.

В период с 1937 по 1991 г. выполнены, представлены к защите и защищены 1234 диссертации по специальности 12.00.01 (ранее — 710, 12.710), из которых 210 — на соискание ученой степени доктора юридических наук; 1024 — кандидата юридических наук.

Всесоюзный юридический заочный институт (далее — ВЮЗИ) в период с 1937 по 1991 г. по истории государства и права; истории отраслей права и юридической науки в 87 случаях выступил в качестве организации, где были выполнены диссертации, где были защищены диссертации данной и других образовательных и научных организаций, а также в качестве ведущей организации. Доля диссертаций по истории государства и права; истории политических и правовых учений ВЮЗИ (МЮИ) в СССР составила 7,1%. Это больше, чем по теории государства и права, на 2,0%.

Кафедра истории государства и права ВЮЗИ приказом Министерства культуры СССР № 1501 от 27 августа 1953 г. была выделена в самостоятельное образовательное и научное подразделение. Она стала преемницей кафедры теории и истории государства и права, действовавшей во второй половине 40-х годов.

В разное время кафедру истории государства и права ВЮЗИ (МЮИ) возглавляли Н.П. Галанза, Г.С. Калинин, Г.В. Швеков, З.М. Черниловский, И.А. Исаев.

Активное участие в создании кафедры истории государства и права ВЮЗИ принял Петр Николаевич Галанза (1893–1982). В ведущих отечественных научных библиотеках отсутствует информация о кандидатской и докторской диссертациях, выпол-

ненных и защищенных им в университетах и институтах СССР. Однако общеизвестно, что звание почетного доктора (*honoris causa*) по юридическим наукам ему присвоено в 1961 г.

По диссертациям А.Д. Берензона (1954), Г.Н. Годера (1954), З.М. Черниловского (1963), А.А. Баланенко (1968) и Т.В. Апаровой (1969) Петр Николаевич Галанза выступил в качестве одного из официальных оппонентов.

Зиновий Михайлович Черниловский в дальнейшем в ВЮЗИ создал свою научную школу «История государства и права зарубежных стран».

В Московском государственном университете им. М.А. Ломоносова (далее — МГУ) П.Н. Галанза руководил выполнением кандидатских диссертаций по истории государства и права И.Я. Кисилева (1960), Н. Неновски (1970), Д.К. Адвэса (1974), М.Д.З. Хидра (1976).

Одними из первых диссертаций (1953), **выполненных** на кафедре истории государства и права ВЮЗИ, были научные работы Ш. Азимова (науч. рук. Е.Н. Данилова) и Б.В. Здравомыслова (науч. рук. Э.Л. Розин).

Тема кандидатской диссертации Бориса Викторовича Здравомыслова (1923–1998) — «Уголовно-правовые воззрения русских революционеров-демократов: А.И. Герцена, В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского».

В дальнейшем Б.В. Здравомыслов основал в ВЮЗИ научную школу «Актуальные проблемы уголовного права».

В 70-е годы он заместитель директора ВЮЗИ по учебной работе, в 1980–1987 гг. занимал пост ректора.

1966 г. знаменует **защиту первой в ВЮЗИ диссертации** по истории политических учений. Это научный труд Натальи Михайловны Золотухиной «Политические воззрения Вильяма Годвина». Научным руководителем ее кандидатской диссертации был Эльхон Львович Розин.

Одним из первых, кто выступил **в качестве одного из официальных оппонентов от ВЮЗИ** в другом образовательном учреждении по диссертации в области истории правовых учений, был Э.Л. Розин. Это кандидатская диссертация Леонида Соломоновича Мамут «Генезис учения Карла Маркса о государстве», подготовленная и защищенная в 1961 г. в Институте государства и права АН СССР.

¹ Якушев А.Н., Комаров С.А. Диссертационные исследования русских университетов Российской империи, РСФСР по теории и истории государства и права; истории отраслей права и юридической науки (1724–1991 гг.): база данных библиографии диссертаций, авторефератов диссертаций, научных руководителей (консультантов), официальных оппонентов и ведущих организаций [Текст] : научно-вспомогательное библиографическое пособие / А.Н. Якушев, С.А. Комаров, Г.Г. Кричевский, А.Ю. Климов, С.В. Кононова. СПб. : Юридический институт (СПб.), 2017. 405 с.

В 1968 г. ВЮЗИ **впервые** выступает **в роли ведущей организации** по диссертациям в области истории государства и права; истории политических и правовых учений Г.Б. Гальперина в Ленинградском государственном университете им. А.А. Жданова, а также диссертациям Е.И. Корневской и А.К. Рзаева в Институте государства и права АН СССР.

Из информационной справки МГЮА о кафедре истории государства и права ВЮЗИ следует, что Георгий Степанович Калинин и Георгий Васильевич Швеков ее возглавляли в качестве заведующих. Однако в какие периоды? Информация на этот счет отсутствует.

Г.С. Калинин в 1950 г. подготовил кандидатскую диссертацию, тема которой — «Государственный аппарат в России от февраля до октября 1917 г., его классовая природа и характерные черты» и через год защитил ее в Московском юридическом институте.

Он руководил выполнением 4 кандидатских диссертаций: А.А. Сенцова (1968), А.В. Хохлова (1975), А.Г. Горина (1977, 1979), В.А. Рогова (1980).

В них разрабатывались вопросы отечественной истории государства и права, среди которых:

- создание советской государственности на Кубани в 1917–1918 гг.;
- карательный аппарат царизма в борьбе с революцией 1905–1907 годов;
- ВЦИК в первый год пролетарской диктатуры;
- правовое регулирование частного капитала в России в период первой мировой войны (1914–1917).

Становление Г.В. Швекова как ученого проходило в ВЮЗИ. В 1967 г. он подготовил и защитил кандидатскую диссертацию. Тема ее — «История создания первого Уголовного кодекса (УК РСФСР, 1922 г.)». По кандидатской диссертации А.М. Голикова «Государственный совет в России в первой половине XIX века» (1983) Г.В. Швеков выступил в качестве научного руководителя. Это было в первый и в последний раз.

В период с 1984 по 1990 г. кафедру истории государства и права ВЮЗИ возглавлял Зиновий Михайлович Черниловский (1914–1995).

Кандидатскую диссертацию по теме «Законник Стефана Душана» он защитил в 1941 г. в Московском юридическом инсти-

туте. Через 22 года он представил докторскую диссертацию в Институт права АН СССР, которую успешно защитил. Достоинство оригинально сформулирована тема его докторской диссертации — «Происхождение раннефеодального государства и права у западнославянских народов». Актуальность темы в тот период была наиболее востребованной.

По 14 кандидатским диссертациям, а именно: Т.В. Апаровой (1968), С.А. Чибиряева (1968), Н.А. Катаева (1970), С.Н. Медведева (1971), С.И. Куцины (1972), Ю.А. Дубровина (1973), Е.В. Поликарповой (1973), В.А. Савельева (1974), Т.П. Черных (1982), М.В. Петровой (1983), Е.А. Махненко (1988), Ю.М. Наатыжа (1988), С.А. Даниеляна (1989), В.Б. Романовской (1990) Зиновий Михайлович Черниловский выступил в качестве научного руководителя.

Вышеуказанным соискателям была предложена тематика диссертаций, которая на тот момент была в большей степени актуальна. Диссертационные исследования касались решения таких проблем, как:

- правовое регулирование поземельных отношений в Аргентине;
- закон Маккарэна и преследование коммунистической партии США;
- прецедент в английском праве; развитие государства и права Болгарии (1919–1923);
- «Польская правда» — важнейший памятник феодального права средневековой Польши;
- государственно-правовое развитие США в период гражданской войны и реконструкция Юга (1860–1877);
- учение И. Канта о праве и государстве;
- возникновение и формирование Кабинета Министров Англии;
- эволюция брачно-семейного права по французскому гражданскому кодексу (Кодексу Наполеона), начиная с 1814 г.;
- эволюция английского гражданского права (вещное и обязательное право);
- альбертинский статут;
- формирование Верховного Суда США в качестве органа конституционного контроля;
- эволюция государственного строя Швейцарии (1848–1939);
- формирование и развитие сословно-представительной монархии в Англии на основе законодательства английского парламента XIII–XV веков.

С.Н. Медведев и В.Б. Романовская как «птенцы» ВЮЗИ, как представители и последователи научной школы З.М. Черниловского, в дальнейшем создадут свои научные школы по истории государства и права России и зарубежных стран в университетах, которые они представляли, а именно: Ставропольский государственный и Нижегородский государственный им. Н.И. Лобачевского.

Значительный вклад в подготовку научно-педагогических кадров в сфере истории государства и права в качестве научного руководителя в ВЮЗИ и МЮИ внес Эльхон Львович Розин. Он руководил выполнением 13 кандидатских диссертаций таких аспирантов и соискателей, как: Б.В. Здравомыслов (1953), Н.М. Золотухина (1966), А.В. Аксенов (1967), В.Е. Сатышев (1968), А.А. Баланенко (1969), О.Ф. Блюма (1969), С.В. Макарова (1974), В.Н. Иванова (1976), Е.Д. Николаев (1979), В.В. Ячевский (1979), И.Н. Мележик (1984), В.Н. Корнев (1989), В.В. Седелник (1991). И этот перечень считаю неполным, так как по 49 диссертациям, защищенным в СССР, отсутствует информация о научных руководителях.

Тематика диссертаций вышеперечисленных соискателей ученой степени кандидата юридических наук разнообразна и направлена на решение актуальных на тот момент проблем. Судите сами:

- государственно-правовые идеи Жана Мелье;
- политические взгляды Джона Локка;
- политические взгляды П.Л. Лаврова;
- реваншистская сущность политической идеологии западногерманского государства (1949–1965);
- учение Н.М. Коркунова о государстве и праве;
- борьба В.И. Ленина с «левым» ревизионизмом по вопросам государства;
- развитие В.И. Лениным учения о социалистическом государстве на опыте первой русской революции;
- общественно-политические и правовые взгляды А.Н. Толстого;
- политико-правовая теория Томаса Гоббса;
- буржуазно-либеральная государственно-правовая мысль России 1905–1907 гг.;
- формирование взглядов Ф. Энгельса на государство и право.

Подготовку научно-педагогических кадров в ВЮЗИ по истории государства и пра-

ва; истории отраслей права; истории политических и правовых учений вели и другие ученые-юристы, среди которых: Е.Н. Данилова (Ш. Азимов, 1953), В.С. Андреев (В.С. Сазонов, 1967), А.Х. Махненко (В.А. Рахлевский, 1968; В.С. Панышин, 1972; Н.Е. Зиновьев, 1983), А.А. Мишин (В.В. Маклаков, 1971), А.Ф. Гончаров (И.А. Исаев, 1972), О.Э. Лейст (Г.А. Федотова, 1973), Б.С. Громаков (Г.С. Кнопов, 1974), М.А. Гельфер (О.Ф. Дживага, 1974), Н.Т. Блатова (С.Ю. Кашкин, 1979; Г.С. Стародубцев, 1983).

В данных диссертациях был поднят и решен огромный пласт проблем и вопросов, среди которых:

- государство и право Саманидов;
 - развитие советского законодательства о пенсионном обеспечении;
 - советское строительство в Украинской ССР в период социалистической индустриализации и подготовки сплошной коллективизации сельского хозяйства (1926–1929);
 - механизм формирования представительных учреждений во Франции (1946–1970);
 - становление национальной государственности народностей Севера РСФСР;
 - ЦИК СССР, его правовое положение, организация и деятельность 1922–1937 гг.;
 - политическое учение М.М. Ковалевского;
 - основные этапы развития уголовного законодательства Германской Демократической Республики (1945–1968);
 - ликвидация фашистского режима и становление государственно-правовых институтов Италии (1943–1947);
 - политическая доктрина и политическая программа декабриста Н.М. Муравьева;
 - эволюция прав и свобод граждан в Конституции Индийской Республики (1950–1979);
 - вклад русских ученых второй половины XIX — начала XX вв. в прогрессивное развитие науки международного права.
- С 1990 г. кафедре истории государства и права МЮИ возглавил Игорь Андреевич Исаев, выпускник ВЮЗИ (1969). Кандидатская диссертация на тему «Государственно-правовое регулирование частного капитала в народном хозяйстве СССР в первые годы НЭПа (1921–1925 гг.)» в 1972 г. была выполнена и защищена И.А. Исаевым в ВЮЗИ. Докторская дис-

сертация на тему «Правовые формы хозяйственного строительства в многоукладной экономике СССР 20-х годов: (историко-теоретическое исследование)» была выполнена им в ВЮЗИ и защищена в Академии МВД СССР в 1987 г.

В качестве официального оппонента он выступил в МГУ по кандидатским диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук И.Г. Смолкина (1990) и Г.А. Кутьиной (1990).

В дальнейшем, уже в Российской Федерации, И.А. Исаев в МГЮА станет руководителем научной школы «Российская школа истории государства и права».

В период с 1990 по 2017 гг. Игорь Андреевич Исаев по 102 кандидатским и докторским диссертациям по специальности 12.00.01 (история права и государства; история учений о праве и государстве) выступил и выступает в качестве научного руководителя (научного консультанта) или одного из официальных оппонентов.

Значительный вклад в воспроизводство научных кадров в СССР на кафедре истории государства и права ВЮЗИ (МЮИ) внес Юрий Павлович Титов (1929–1933). Кандидат юридических наук (1955), доктор юридических наук (1988), профессор, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники — основные вехи научной деятельности Ю.П. Титова в ВЮЗИ — МЮИ — МГЮА.

Проблематика диссертаций Ю.П. Титова достаточно специфична, а именно:

— осуществление советским социалистическим государством функции подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов внутри страны в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства, 1921–1925 гг. (1955);

— создание и развитие революционных трибуналов РСФСР (1988).

В роли официального оппонента Юрий Павлович Титов выступил по следу-

ющим диссертациям в сфере отечественной истории государства и права: Т.М. Ковалевской (ВЮЗИ, 1968), Р.Л. Хачатурова (МГУ, 1970), В.В. Смирновой (МГУ, 1973), А.Н. Новикова (МГУ, 1975), Н.А. Семидеркина (МГУ, 1977), Б.А. Крижитаускаса (МГУ, 1979), И.А. Шипилова (МГУ, 1981), Ф.Ш. Насыбуллина (Казанский ГУ, 1985), А. Жумаева (МГУ, 1985), С.В. Кодана (ИГиП АН СССР, 1987), А.В. Ястребова (МГУ, 1987) и Н.П. Хайнак (МГУ, 1990).

ВЮЗИ (МАИ) по диссертациям в сфере истории государства и права; истории отраслей права; истории политических и правовых учений выступил в качестве ведущей организации:

кандидатским: Е.И. Корневской (АН СССР. ИГиП, 1968), Д.В. Петрова (АН СССР. ИГиП, 1969), Ш.Д. Дзоблаева (МГУ, 1970), Д.И. Луковской (1971), Т.М. Маховой (МГУ, 1975), Е.С. Павловой (МГУ, 1976), Р.А. Джурабаевой (ЛГУ, 1977), С.Х.А. Мабрука (ВНИИ СЗ, 1979), Т.Е. Новицкой (МГУ, 1980), А.И. Подгорной (АН СССР. ИГиП, 1980), А.И. Гуськова (ЛГУ, 1981), А.Ш. Керимбаевой (МГУ, 1983), В.Н. Печникова (Казанский ГУ, 1984), Е.В. Державиной (МГУ, 1985), Е.И. Шаколько (Свердловский ЮИ, 1988), А.А. Козлова (МГУ, 1990), Л.А. Корчагиной (Свердловский ЮИ, 1990);

докторским: Г.Б. Гальперина (ЛГУ, 1968), В.П. Портнова (1969, 1972), Н.Я. Курец (МГУ, 1970), М.Ф. Меликовой (МГУ, 1973), Н.С. Захарова (МГУ, 1978), А.И. Лукьянова (МГУ, 1979), М.Г. Короткого (ЛГУ, 1989).

Представленные в статье материалы позволят восполнить пробел о подготовке и воспроизводстве научных кадров по истории государства и права; истории политических и правовых учений во Всесоюзном юридическом заочном институте (Московском юридическом институте) в период с 1937 по 1991 гг., то есть за 54 года.

Литература

1. Якушев А.Н. Диссертационные исследования русских университетов Российской империи, РСФСР по теории и истории государства и права; истории отраслей права и юридической науки (1724–1991 гг.): база данных библиографии диссертаций, авторефератов диссертаций, научных руководителей (консультантов), официальных оппонентов и ведущих организаций: научно-вспомогательное библиографическое пособие / А.Н. Якушев, С.А. Комаров, Г.Г. Кричевский, А.Ю. Климов, С.В. Кононова. СПб.: Юридический институт (СПб.), 2017. 405 с.

Уважаемые авторы!

1. Материалы предоставляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1.5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски постраничные, обозначенные арабскими цифрами, оформленные в соответствии с действующим ГОСТом). Объем материала не должен превышать 20 000 знаков. Опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов материалы к рассмотрению не принимаются.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.

3. Предоставляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в тех справочно-правовых системах, в базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет), с которыми у редакции есть соответствующее соглашение. При направлении в редакцию статьи обязательно прилагается заполненное заявление, которое можно скачать на сайте ИГ «Юрист». Плата с авторов, в том числе аспирантов, за публикацию статей не взимается, авторский гонорар не выплачивается.

4. Статья должна содержать:

- а) фамилию, имя и отчество полностью, должность, место работы (без сокращений), ученую степень, ученое звание на русском и английском языках;
- б) название статьи с переводом на английский язык;
- в) аннотацию на русском и английском языках (4–5 строк);
- г) ключевые слова из текста статьи (4–6 слов или словосочетаний);
- е) служебный адрес либо адрес электронной почты (эта информация будет опубликована в журнале);
- ф) контактный телефон (для редакции);
- г) точный почтовый адрес с индексом (для направления авторских экземпляров). Автору предоставляется один бесплатный экземпляр журнала с опубликованной статьей.

Кроме того, в конце статьи автор помещает приставный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи). Обращаем ваше внимание на то, что список нормативных актов располагается по юридической силе и помещается в отдельном списке. Данные, предоставляемые в редакцию в соответствии с настоящим пунктом, будут размещены в РИНЦ.

Настоятельно рекомендуем авторам ознакомиться с опубликованными статьями по аналогичной тематике и привести не менее двух ссылок на журналы, входящие в состав объединенной редакции ИГ «Юрист».

5. Предоставляемые материалы должны быть актуальными, обладать новизной, содержать задачу и описывать результаты исследования, соответствовать действующему законодательству и иметь вывод.

6. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации.

7. При направлении статьи в редакцию для аспирантов и соискателей необходимо приложить рецензию научного руководителя или рекомендацию кафедры, заверенную печатью учреждения.

Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.

**При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов,
можно обращаться в редакцию по телефону (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru.**

Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7